

A book cover illustration featuring a woman with long, flowing, wavy white hair and blue eyes. She is wearing a dark, long-sleeved dress and has her hands clasped near her chest. The background is a dark, atmospheric scene with a full moon, several bats flying, and a large, multi-story building with a tower and a conical roof. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the stark white of the woman's hair.

Елена Амеличева

Мне нельзя
тебя любить, оборотень

Елена Амеличева
Мне нельзя тебя
любить, оборотень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70187971

SelfPub; 2023

Аннотация

Красавчику-оборотню, рожденному служить нашему ковену, не позволено даже думать обо мне, младшей дочери Верховной ведьмы. Но его медовые глаза так сияют, когда вопреки всем запретам взгляд этого наглеца повсюду следует за мной! Сердце сладко екает, а мысли разбегаются в разные стороны, когда вижу его! И моя Сила вдруг, ни с того, ни с сего резко начала расти, а ведь я считалась почти пустышкой по уровню магии. Неужели это из-за любви, которая тайком проникла в душу? Но ведьме нельзя любить оборотня... Книга вышла на бумаге.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Ведьмы и оборотни	8
Глава 1. Исход	8
Глава 2. Боль	18
Глава 3. Сладких снов	25
Глава 4. Смех	30
Глава 5. Зверь	36
Глава 6. Тайны кулинарии	45
Глава 7. Камень обращения	50
Глава 8. Голос рассудка	55
Глава 9. Драгоценность	61
Глава 10. Волчьи повадки	67
Глава 11. Запах похоти	73
Глава 12. Желание	81
Глава 13. Гримуар	88
Часть 2. Охота на волков	94
Глава 1. Без вариантов	94
Глава 2. Золотая рыбка	105
Глава 3. Золотое руно	110
Глава 4. Выбор книги	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Елена Амеличева

Мне нельзя тебя любить, оборотень

Пролог

Вот так всегда, стоит только рот открыть! Лучше бы молчала, в самом деле. Нашла, с кем спорить, с Аланой! Да эта мерзкая девчонка только и ждет, чтобы напакостить дочери Верховной ведьмы. Но ничего не поделаешь, поздно, попала в ловушку, теперь расхлебывай, Сильвия!

Я выглянула из-за кустов жимолости. Хоть и ночь, а светло, как днем. Все из-за полной луны, которая плывет по темно-синему небу и отражается в огромном озере сияющей широкой дорожкой. Да еще и мои волосы такого же цвета – белые, издалека видно. Но даже косынки нет, чтобы их прикрыть.

А вот и он – оборотень, из-за которого я здесь. Фыркает, как тюлень, уплывая от берега, где лежит его одежда. Все, пора!

Пригнувшись, выбежала из-за кустов и помчалась к кромке воды. Ага, вот и его рубашка, безрукавка, портки. Сгребла все это в охапку и поднялась, торжествующе улыбаясь. Так-

то, Алана, выкуси, задавака! Улыбнулась, предвкушая, как швырну в ее наглую рожу одежду оборотня. Обязательно так, что исподнее прямо в лицо ей попало!

И тут за спиной раздалось ехидное:

– Вам чем-то приглянулась моя одежда, госпожа Сильвия?

– Я... – начала медленно поворачиваться, пытаясь придумать хоть мало-мальски путную отговорку.

– Наверное, вы решили ее постирать, да? И заштопать, а то ведь совсем износилась. Хотели помочь бедному Себастьяну, верно? Так благородно с вашей стороны!

– Да... – послушно кивнула. – То есть, нет! – спохватилась, утонув в его глазах, сияющих, как лунная дорожка. – Ой.

Только в этот момент поняла, что парень стоит передо мной полностью голый!

– Бесстыжий! – крепко зажмурилась и резко развернулась, чувствуя, как полыхают щеки. – Оденься, наглый оборотень!

– С удовольствием бы, – он притворно вздохнул. – А то уже задница вся мурашками покрылась от холода! Про остальные части тела умолчу из уважения к вашей девичьей стыдливости. Вот только вся моя одежда у вас, госпожа Сильвия.

Снова ой. Как умудрилась так влипнуть?!

Разжала руки, рубашка и портки оборотня упали на зем-

лю. Вздернула нос и пошла к поселению, будто так и планировалось. Вслед неся его громкий хохот.

– Смейся, смейся, нахал! – процедила сквозь зубы. – Ты у меня еще попляшешь!

– Говорила же, не сумеешь! – из-за кустов вышла Алана со своими подпевалами.

– Очень надо! – фыркнула я. – Это ты только об оборотнях и говоришь, а мне на них плевать! – зашагала дальше.

– Вся такая из себя, – крикнула задавака мне вслед, – подумаешь, дочка Верховной! Посмотрим, что скажет твоя мамочка, когда узнает, что ее младшенькая по ночам подглядывает за голым оборотнем Себастьяном!

Внутри все свернулось в тугой комок. Алана попросту заманила меня в ловушку! Что будет, если эти гадины и впрямь наябедничают? И полбеды, если узнает мама, ей я сумею объяснить, как все было на самом деле, она поверит.

А вот если прознает Лавия! Старшая сестра ничего слушать не будет, в лучшем случае ограничится тем, что надает мне затрещин, от которых потом весь день звенит в голове.

А в худшем... Боюсь даже думать, какое изощренное наказание она придумает! И угораздило же меня снова связаться с Аланой! Вот бы эта дрянь на уроке заклинаний однажды превратила саму себя в крысу, это ей лучше всего подходит!

– Сильвия! – Лавия набросилась на меня, едва я вошла в ворота поселения. – Где тебя носит ночью?! И опять босая, будто нищенка, сколько раз тебе говорить, что ты не малень-

кая девчонка уже, а взрослая девушка!

– Прости, сестра. – Смиренно склонила голову, а то ведь ей хоть слово скажешь, до утра отчитывать будет.

– Не строй из себя послушную, – она скривилась и, ухватив меня под локоть, потащила к дому. – Сегодня полная луна, пришло время творить заклинания во славу Богини! Давай быстрее, перебирай уже ногами, дрянная девчонка! Что из тебя вырастет? Не ведьма, а позор всего ковена! Быстрее шагай, говорю, быстрее!

Часть 1. Ведьмы и оборотни

Глава 1. Исход

Маат

Около двадцати земных лет назад, мир Алалия

Я вышла из портала и тут же упала на руки подхватившего меня мужа. Сердце билось через раз. Столько сил потратила, и все впустую! Закрыла глаза и застонала сквозь плотно стиснутые зубы, злясь на себя.

– Как ты, Маат? – словно издалека донесся голос супруга, уложившего меня на кровать. – Родная?

– Все хорошо, Виар. – Заставила себя улыбнуться, посмотрев на него.

Он такой бледный – кожа почти такая же белая, как его волосы, губы искусаны. Сходил с ума, пока жены не было. А я снова всех подвела – и его, и ковен! Как же так, Богиня?!

– Не получилось? – тихо спросил муж.

– Не получилось, – отозвалась эхом. – Нашла Знающего, но ответа так и не добились. А как у вас тут?

– Плохо. – Отвел глаза. – Еще три ковена пали, Наги побеждают. Уже на подступах к нашим землям.

Проклятые Змеи! Как мы проглядели их прорыв в Алалию, нашу благословенную родину?! Ведь знали, что ткань

бытия истончилась, миры соприкасаются, от этого росли силы ковена и рождались очень сильные ведьмы. Мы ведь даже радовались этому! Пока однажды Наги не хлынули из прорехи.

Полулюди, со второй змеиной ипостасью, ядовитые и коварные, они огнем и мечом прошли по городам и деревням, никого не щадя и все уничтожая на своем пути. Наша магия против них работала только вполсилы, притормаживала гадов, но ощутимого вреда не наносила.

Пограничные ковенны пали сразу. Следующими под удар попали южные города. Ценой невероятных усилий они притормозили врага, но тоже были стерты в пыль. Сейчас Наги терзали срединные земли, продвигаясь все ближе у нам. А я, Верховная ведьма, защитница нашего мира, ничего не могла с этим сделать.

Все ритуалы и обряды, молитвы Богине, все усилия пошли прахом. Оставалось только одно.

Я посмотрела на супруга. Он понял меня без слов, как и всегда.

– Ковен уже созван, Маат. – Ответил на незаданный вопрос. – Они готовятся.

– Значит, у нас есть немного времени? – улыбнулась и погладила его по щеке.

– Сколько пожелаешь, любимая. – Перехватил ладонь и нежно поцеловал.

– Верховной ведьме скоро потребуется очень, очень много

сил, – прозрачно намекнула, прильнув к нему.

– Ее муж знает лучший способ их получить, – хрипло выдохнул он. – И самый приятный.

Он начал меня целовать, и снова, как во времена юности, в крови вспыхнул пожар. Я со стоном изогнулась в его руках, не думая ни о чем, наслаждаясь объятиями супруга. Как всегда, напористый, мужчина быстро освободил меня от платья.

– Люблю тебя, Виар, – прошептала я.

– Маат! – со стоном выдохнул он, накрыв меня своим телом.

Прикрыла глаза, наслаждаясь сокровенным моментом. Столько лет прошло, а я до сих пор замираю, смакуя эти ощущения. Горячее прерывистое дыхание мужа опаляло шею, погружая в огонь. Яркая, мощная энергия, порожденная слиянием двух любящих людей, свила вокруг нас сияющий кокон. Мир щедро вплетался в него своей силой, насыщая, отдавая, делясь без оглядки – как любящая женщина отдается своему мужчине, без остатка.

Наши стоны слились, когда разгоряченные тела поймали миг блаженства, заставивший их стать единым целым. Пульсация энергии вокруг тоже достигла максимума. Еще миг, и она уже внутри меня – словно бурлящая лава, течет по венам.

Мое любимое состояние – когда я под завязку полна Силой и Любовью!

– Мама, это правда? – Лавия бросилась ко мне, когда мы с Виаром вошли в зал. – Неужели пора уходить?

Девочка моя! Я посмотрела на нее. Наш с мужем первенец. Совсем еще юная, но такая красивая – раскосые зеленые глаза и высокий рост достались от папы, хорошая фигура и черные густые волосы от меня. А вот характер... Слишком часто ловлю себя на мысли, что поступками дочь напоминает мою покойную мать, которая ничем не гнушалась ради своих целей.

– Мама? – снова затеребила меня Лавия.

– Не мешай матери, – осадил отец.

Дочь надулась и отступила к жениху, который не сводил с нее влюбленных глаз. На его счет я была уверена, он жизнь за девушку отдаст, не раздумывая. А вот видит ли она в нем что-то еще, кроме титулов, богатства, положения?

Стать женой Верховного мага, который только вступил в свои права после смерти отца, получив в наследство едва ли не половину Алалии, о таком мечтали все невесты нашего мира. Но для семьи не это важно. Поэтому я тянула со свадьбой, затягивая помолвку – по официальной версии из-за юного возраста дочери.

– Почтим Маат, – выкрикнул кто-то из толпы, что собралась в зале.

– Почтим Маат! – дружно выдохнул ковен.

– Благодарю, – в соответствии с обычаем я склонила голо-

ву. – Мы все собрались здесь в недобрый час. Враг насилует нашу землю, и никто не в силах ему помешать. К сожалению, нам придется, если хотим выжить...

– Наги! – ворвался в зал истошный вопль.

Дробный перестук шагов, распахнулась дверь.

– Наги... прорвались! – выдохнул тяжело дышащий парень. – Подходят к столице!

– Не может быть! – Виар бросился к окну.

Из замка, стоящего на холме, были видны поля и рощи, убегающие зеленым полотном к горизонту, от которого уже поднималась темная занавесь ночи. А вместе с ней выплескивалась орда Нагов, черной волной несущаяся к замку.

– Они совсем близко! – муж обернулся ко мне. – Маат, пора уходить!

Я мысленно выругалась. Портал нельзя открывать в спешке, нельзя! Могут быть такие последствия! Так, глубокий вдох, умирняем тревогу. Мне нужно спокойствие и сосредоточенность. Все будет хорошо.

Сняв с пояса черный мешочек, я высыпала на ладонь разноцветные камни. Четыре отдала тайрам – моим личным служанкам. Они знали, что делать – положить стабилизаторы прохода по углам залы. Остальные камни сжала в кулак и, встав в центре зала, начала шептать заклинания.

Они вились вокруг, опутывая меня невесомыми лентами, расширяясь, уплывая к стенам, начиная вить каркас будущего прохода в иной мир. Я долго размышляла, выбирая, взве-

шивая «за» и «против», и, наконец, выбрала один. Почти без магии – это одновременно было и достоинством, и недостатком, но в остальном похожий на Алалию, как близнец. В нем даже существа жили внешне схожие с нами.

Мне предстояло переместить туда сразу весь ковен – беспрецедентный шаг, но выбора не имелось. Оставалось лишь надеяться, что все пройдет хорошо. Но в глубине души я уже знала – так не получится. Что-то случится. Ужасное и непоправимое...

Удары, заставившие задрожать стены, вывели меня из медитативного состояния. Наги уже совсем близко! Успеем ли мы уйти? Ни в чем не уверена, ни в чем!

– Держать защитный купол! – крикнул Виар.

Сильные ведьмы и маги встали рядом с ним полукругом. Упругая волна Силы, почти видимая, понеслась вперед и, вырвавшись за пределы замка, прикрыла его Щитом. Удары стихли, и я поспешила воспользоваться затишьем, чтобы продолжить работу с порталом.

Эта передышка ненадолго, Змеи уже поняли, как действует наша магия, и научились находить в обороне слабые места, чтобы продавить защиту и сломить сопротивление. Проклятые!

Снова глубокий вдох. Успокоилась, изгнала все тревоги прочь. Каркас уже готов, раскинулся сияющим куполом над

головами. Осталось наполнить его энергией. Да, вот так. Я удовлетворенно улыбнулась, кивнув, когда слух начало ласкать тихое гудение – концентрация Силы достигла максимума. Пора.

– Все в круг, – скомандовала я. – Лавия, стой рядом.

– Мама, так страшно, – прошептала дочка, прижавшись ко мне.

– Не бойся, – сжала ее ладошку. – Просто дыши и все.

– Виар, быстрее! – заволновалась, разглядев за спинами других мужа.

– Уже здесь, – он улыбнулся, шагнув ко мне.

Сфера засияла, вокруг короткими вспышками начал проявляться чужой мир. Ему предстоит стать нашим домом. Я взглядела в него. Ночь, по небу плывет светило, которому имя Луна, насколько мне помнится. Воздух благоухает ароматами неизвестных трав. Вдали серебрится гладь озера. Ветер шелестит в кронах деревьев – там они почти такие же, как в нашем мире.

Оставалось совсем немного, но Наги, как всегда, успели все испортить. Когда мощь портала достигла максимума, и он был готов переместить всех нас на новую Родину, по стене залы зазмеилась – ох, уж это коварство судьбы, огромная трещина. Еще мгновение и перегородка, отделявшая нас от наступающего врага, рухнула. Стена просто рассыпалась, как игрушечный домик из глиняных кубиков.

В образовавшийся проем тут же хлынули Наги. Сильные

маги ударили по ним силой, но это лишь немного притормовозило нападавших. В самый последний момент мощный огненный шар сорвался с рук одного из Змеев и ударил по куполу портала.

Он замигал, но выстоял. Я улыбнулась, но следом за первым шары посыпались со всех сторон. Большинство мы смогли отбить, но несколько из них все же достигли цели и повредили сферу.

Я ахнула, поняв, какие именно повреждения враг нанес ей.

– Ты должна, Маат. – Тихо сказал мой супруг, тоже осознавший степень урона.

– Виар, но тогда...

– Сделай то, что должна.

– Нет!

– Ты Верховная ведьма – прежде всего! Помни об этом!

– Виар! – простонала я.

Должен быть другой способ, должен!

– Действуй, Маат! – крикнул супруг. – Или погибнут все!
Давай же!!!

Лаская взглядом лицо любимого, я произнесла последние слова заклинания.

Я сделала это.

Прошло двадцать лет, но жестокое время не позволило за-

быть тот день. Он словно был вчера. Эта рана навсегда осталась в моем незаживающем сердце. Я сжилась с терзающим душу страданием. Каждый день смиренно принимала наказание, не прося у Богини пощады. Потому что заслужила эту боль.

Я подошла к окну и вгляделась в ночь, которая распростерла крылья над поселением. По небу плыла луна. Вдали серебрилось озеро. Хлопнула створка ворот, во внутренний двор вошли мои дочери. Лавия и Сильвия – рожденная уже здесь, на Земле. Такие же разные, как солнце и луна.

Между ними никогда не было лада. Иногда мне даже казалось, что старшая ненавидит младшую, как ненавидит и все в этом мире, который принес ей сплошные разочарования. Лавию побаивается даже ее крошка дочь, пятилетняя малышка Дженни.

Вот и сейчас Сильвии, похоже, достается. Сестра тащит ее за руку и что-то втолковывает. Младшая молчит, но Лавию это, похоже, только сильнее злит. Все, как всегда. Отношения между сестрами – еще одна вечная рана в моем сердце, которая не закроется никогда. Еще одно наказание Богини. Его тоже смиренно приму.

Но, как будто этого мало, каждый раз, видя дочь, я словно смотрю на моего любимого Виара. Те же белые волосы, сияющие под солнечным светом, словно снег. Светло-коричневые глаза с мелкими темно-желтыми капельками. Даже улыбка та же – ироничная, нежная и озорная одновременно.

Смотрю на Сильвию, а думать могу только о том, что никогда больше не увижу своего супруга.

Никогда.

Глава 2. Боль

Лавия

Эта девчонка меня невероятно бесит! Я посмотрела на Сильвию, которая стояла на коленях около костра, как и остальные молоденькие девчонки, возносящие хвалу Богине. Ведь она сестра мне, паинька, любимица матери. А хочется только одного – подойти и отвесить ей затрещину!

Девушки поднялись с колен, взялись за руки и зашептали слова благодарности. Я тоже прикрыла глаза и начала шевелить губами, хотя уж мне-то точно не за что было возносить хвалу богине. Она всего меня лишила – руками моей матери.

– Простите за дерзость, госпожа Лавия, – раздался девичий голосок.

Я посмотрела на ту, что осмелилась привлечь внимание. Алана – умная, волевая, одаренная ведьма. Весьма перспективна, в отличие от наивной дуры Сильвии. Когда еще немного подрастет, возьму Алану в помощницы. А потом, когда придет срок, она станет правой рукой новой Верховной ведьмы – то есть, меня.

– Прошу прощения, – девица смотрела с должным уважением, но без подобострастия или страха. – Мы закончили молитвы, госпожа. Можно ли нам удалиться?

– Да, ступайте. – Я повела рукой.

– Идемте на ночную трапезу, – Алана улыбнулась подруж-

кам, которые следовали за ней хвостиком, и посмотрела на Сильвию. – А ты с нами пойдешь?

– Я? – та так удивилась, что брови чуть на затылок не уползли.

– Ах, да! Ты, наверное, опять на озеро побежишь, за голыми оборотнями подглядывать! Ну, удачи тебе!

Девушки, хохоча, убежали. Сестра двинулась было за ними, но я окликнула ее:

– Не торопись, Сильвия. Иди-ка сюда.

Втянув голову в плечи, она медленно обернулась.

– Иди сюда, кому сказано!

Потупившись, девушка подошла ко мне.

– Ближе!

Два робких шажка. Поглядывает исподлобья, с опаской.

Вот в этом она вся! Вечно выглядит виноватой, словно что-то натворила, даже если и придраться не к чему. Потому и хочется отвесить ей оплеуху! Хоть бы раз попыталась защитить себя, дала отпор, тогда я, возможно, от нее и отстала бы. Но нет, лишь глазки потупит и молча терпит. В точности, как моя дочь Дженни! К той тоже едва подойдешь, а у нее уже губы дрожат и сопли текут!

– О чем говорила Алана? – посмотрела на сестру.

Тишина.

– Не вздумай в молчанку играть, или велю розог тебе всыпать по мягкому месту! О чем говорила Алана, отвечай немедленно!

– Она врет.

– О чем врет? Ты ходила к озеру?

– Да. – Ответила тихо.

– Там купались оборотни?

– Да. – Еще тише. – Один купался.

– И, конечно же, он был голый!

– Да, но все не так было! – Сильвия вдруг вскинула на меня глаза, полные слез.

– А как?! – с удовольствием ухватила ее за ухо, заставив завизжать. – Бесстыжая!

– Алана сказала, что мне не суметь украсть его одежду, пока он плавает! Я пошла на берег и...

– Ну, и? Сумела?

– Нет.

– Бестолочь! – со вздохом отпустила ее.

– Не подглядывала ведь, честно, – добавила сестра, потирая красное ухо.

– Конечно, – язвительно улыбнулась. – Зажмурилась, по-ди, крепко-накрепко, чтобы срам оборотня не углядеть!

– Так и было.

– Не зли меня, Сильвия! Все, марш домой! И чтобы завтра и носу из комнаты не высовывала, пока не выучишь три главы заклинаний из учебника магии, поняла?

– А можно на ночную трапезу сходить? – она с мольбой посмотрела на меня. – Я даже не обедала сегодня.

– Нельзя, будешь спать голодной в наказание за дурное

поведение! Надо было вовремя трапезничать, а не за голыми парнями подглядывать! Все, уходи!

– А не слишком ли строгое наказание, дочь моя? – когда девчонка убежала, из-за угла дома вышла наша мать. – Велика ли провинность – девичья шалость?

– А велика ли потом будет беда, когда слух пойдет, что младшенькая твоя невинность свою на грязных простынях оборотня оставила? – отозвалась я, глядя на Верховную ведьму. – Когда этот смерд «красную розу» из белья вырежет, да хвалиться ею будет перед дружками своими? Или тебе совсем плевать на честь семьи?

– Преувеличиваешь, Лавия.

– Да ни разу! – во мне вскипел гнев, подогретый дурой сестренкой. – Или ты не слышала, мама, о слухах, которые о молодых ведьмах ходят? Что не только как рабочую силу оборотней используют, а еще и постелях своих их привечают, развратницы!

– Зов плоти силен, дочка, – она пожала плечами. – Негоже так поступать, конечно же, но и заглядывать в кровати чужие тоже не стоит.

– Вот как? Меня ты по-другому воспитывала!

– Молодым женщинам требуется мужская ласка, тут уж ничего не поделаешь, их надо понять.

– Мне ли не понять! – голос стал сиплым из-за спазма, перехватившего горло. – Ведь ты своими руками лишила меня этого счастья – познать мужскую ласку!

Мать побледнела, но потом лицо ее окаменело, и лишь цепко сомкнутые, до дрожи, пальцы выдавали ее состояние.

– Ты была там, Лавия, – тихо ответила она. – Своими глазами видела, что произошло.

– Вот именно, была и видела! – я подошла к ней вплотную. – Все, что ты сотворила с нами, видела!

– Сфера была повреждена, дочка. Шары Нагов угодили в тот самый узел, который переключил ее на перемещение только женщин. Мужчины не смогли пройти через портал.

– Ты должна была все исправить!

– Времени не имелось! Счет шел на секунды!

– Ты даже не попыталась! Не попробовала! Ты просто... просто убила их всех! Убила моего отца, моего жениха и всех остальных!

– Чтобы исправить такой сбой, нужно было очень, очень много времени, дочь. Твой отец это знал. Он сам велел мне довести дело до конца. Кричал мне, что, прежде всего, я Верховная ведьма, а уж потом жена и мать!

– Ты должна была что-то придумать, чтобы спасти их!

– Что, например?

– Не знаю! Переключить сферу на перенос нескольких человек, вместо тысячи! Попробовала бы перенести только нашу семью, перенаправив энергию – вдруг получилось бы?!

– Что ты такое говоришь, дочь?!

– Правду! Всеми остальными можно было пожертвовать, пусть бы они достались Нагам, а не папа и мой будущий муж!

– Да Виар проклял бы меня, посмей я поступить так! – мать потрясенно отступила.

– Конечно, лучше было их оставить на верную смерть, моя благородная матушка! А ты знаешь, как убивают Наги? Пленных, да еще таких ценных, они накачивают своим ядом, заставляя кричать от боли, пока жертва не сорвет голос!

– Прекрати!

– Ни за что! Думай об этом, постоянно думай, мама! Каждую секунду представляй, на какие мучения ты обрекла папу! Ни один ковен не стоил его жизни!

– Он отказался бы от тебя за такие слова.

– Верность, долг, честь! – я зло рассмеялась. – Конечно! Легко было быть благородными в роскоши замка! А теперь, тут, в новом мире, когда приходят такие трескучие морозы, что от растопленной печки не отойти, легко ли? Там я стала бы госпожой с сотнями слуг, повелевала огромными землями, муж меня на руках бы носил! А тут? Что я получила тут? Слуг оборотней и пустую, холодную постель!

– Лавия...

– Вместо того, чтобы понести от ласк мужа, пришлось ложиться под местного, под человека, под это убожество без грамма магии! Ведь теперь ни одного мага нет, все мужчины не прошли через портал – из-за тебя! И что я произвела на свет? Полукровку, которая никогда не поднимется по владению чарами выше тех слуг, что были в замке в нашем мире, благословенной Алалии!

Я задохнулась от слез, гнева и боли. Имя Родины острым кинжалом встало в глотке, не давая дышать.

– За что бьешь так больно, дочь? – спросила мать. – Страдание свое не уменьшить, заставляя страдать других!

– Не знаю, мне помогает! – хрипло отозвалась я.

– Буду молиться за тебя Богине. Просить, чтобы излечила твои раны, дала тебе силы и благословила.

– Ты все еще веришь ей? – вот в кого Сильвия такая идиотка. – После всех бед, которые она на нас обрушила?

– У каждого свой жизненный путь, Лавия. Никто не получает более того, что способен вынести. Во всем можно найти крупинцы счастья, чтобы утешиться. Твоя дочь, сестра, ковен...

– Все в этом мире или хищники, матушка, или их жертвы. – Перебила ее, не без удовольствия. – Кем быть, каждый решает сам. Терпение – удел зайца. А я не заяц!

– И кто же ты тогда?

– Рысь, матушка! Сильная, безжалостная рысь! Которая урчит от удовольствия, когда в ее глотку льется горячая кровь зайцев!

– То есть ты готова растерзать всех, дочь?

– Да, мама, если потребуется, да!

– Тогда в итоге ты останешься совершенно одна, Лавия. Навсегда.

Глава 3. Сладких снов

Сильвия

Почему Лавия такая злая всегда? Ведь мы же сестры! Неужели я совсем никчемная, как она говорит? Иногда мне кажется, что сестра меня ненавидит. Хотя если бы Лавия только надо мной измывалась, еще куда ни шло. Привыкла уж, с детства от нее лишь насмешки и зуботычины получаю. Но ведь она и с дочерью своей себя в точности также ведет!

А малышка Дженни такая ранимая! Совсем маленькая еще, после того, как мать отчитает да наподдает, всю ночь плачет – тихонечко, чтобы та не слышала, а то прибежит и добавит. Когда весь дом засыпает, она прокрадывается ко мне – с опухшим от слез личиком, и сворачивается в клубочек под боком, как котенок.

– Почему ты позволяешь сестре над собой издеваться?

Мужской голос – низкий, с хрипотцой, заставил подпрыгнуть. Сердце в груди тоже скакнуло – казалось, р-раз, выскочит в рот, и подавлюсь им! А ведь это кто-то знакомый!

– Почему не защищаешься? – мужчина вышел из тени под свет уличного фонаря.

Так это тот самый оборотень, из-за которого мне сегодня досталось! Вернее, он-то не виноват, я огребла из-за собственной глупости.

– Один раз ответила бы сестре, как следует, она и пере-

стала бы тебя задирать. – Продолжил он, а во мне полыхнула злость.

Все всегда лучше меня знают, что и как я должна делать!

– Мы с тобой на «ты» не переходили, наглый оборотень!

– Я всегда на «ты» с женщинами, которые видели меня голым, – ухмыльнулся, прислонившись плечом к стене дома и бесцеремонно разглядывая меня. – Правда, обычно они тоже обнажены. Не желаешь себя показать во всей красе? Для завершения знакомства, так сказать. Тут сеновал как раз неподалеку.

– Подлец! – моя рука взлетела в воздух и со всего размаху обрушилась на его щеку.

– Вот, можешь ведь, – он скривился, из разбитой губы потекла кровь. – А почему от сестры все безропотно сносишь?

– Не твое дело!

– На «ты» перешли, а познакомиться так и не успели, – пробормотал он. – Будешь должна, красавица. Сладких снов!

Он отступил назад и растворился в темноте. Но пока шла к дверям, всем телом ощущала на себе его взгляд. Пристальный, хищный и... заставляющий сердце стучать быстрее. Почему?

Я надела длинную ночнушку, прошлепала босыми ногами к кровати и села на нее – под аккомпанемент требователь-

но бурчащего желудка. До утра буду ворочаться теперь, голод не даст глаз сомкнуть. Эх, а в трапезной, наверное, сейчас убирают остатки пирога с морошкой, бережно накрыв его полотном!

В дверь кто-то поскребся. Потом она медленно приоткрылась, и в комнату на цыпочках прокралась малышка Дженни.

– Плифет, Шильви, – нещадно шепелявя, она расплылась в счастливой улыбке.

За это ей тоже прилетало от матери, но треть букв девчушка все равно нещадно коверкала, и порой выходило очень забавно.

– Вот, – она подошла и протянула мне тарелку, накрытую льняной салфеткой.

Да неужели тот самый пирог, о котором мы с желудком только что грезили? Я «раскутала» дар племянницы, прикрыла глаза от удовольствия, наслаждаясь его ароматом, и тут же вонзила в него зубы.

– Шпашибо, Дженни! – поблагодарила, спохватившись.

– Ты тепель как я, – она довольно захихикала, сев на постель. – Тоше фепеляфишь.

– Ага!

Вкуснотища-то какая! В один присест умяла немаленький кусок, но казалось, что еще один такой без проблем съем! Наверняка Нина пекла, наша умелица, кулинарные заклинания – ее конек, все, что угодно, так приготовит, руки по колено откусишь, как говорится.

А я вот пока так и не нашла, в чем магически сильна. Во всех сферах, вроде бы, равномерно, но – ниже среднего. Что для чистокровной ведьмы, последней из чаровниц Алалии, непростительно.

Я покинула тот мир в животе матери. Она всегда говорит, что младшая дочь – прощальный дар ее супруга. Но когда смотрит на меня, во взгляде столько боли! Все бы отдала, чтобы навсегда изгнать безжалостное страдание из глаз мамы! Но, увы, мне не суметь. Наверное, Лавия права, я и в самом деле никчемная.

– Почему грустишь, Шильви? – малышка нахмурилась, внимательно глядя в мое лицо. – Госпожа Лавия опять наказала, да?

– Это все Алана! – вздохнула и поставила пустую тарелку на столик. – Снова подстроила мне ловушку. А я попалась, как дурочка!

– Ты не дулочка, – маленькие детские ладошки погладили по моей руке. – Плосто Алана – стелва!

– Дженни, ты где такие слова слышала? – ахнула, мигом позабыв про свои горести.

– На кухне, – малышка снова довольно захихикала.

Да уж, повариха Нина любит «приправить» процесс готовки крепким словом, у нее все помощницы через неделю работы разучиваются краснеть.

– Никогда не повторяй таких слов, поняла? – предупредила я девочку. – А то влетит от мамы твоей нам всем! Поняла?

– Ага. Но ш тобой-то мощно.

– Ах ты, плутовка! – я повалила ее на кровать и начала щекотать. – Племяшка-ругашка! Задавашка! Симпотяшка!

Счастливая малышка залилась смехом.

– Все, ты не дала тетке своей помереть с голоду, теперь ступай спать, – я проводила девочку до двери, выглянула в коридор, чтобы убедиться, что никто не заметит, и чмокнула ее в лобик. – Сладких снов тебе!

– И тебе, Шильви! – Дженни на цыпочках прокралась в свою спальню.

Я помахала ей и вновь залезла под одеяло. Сон тут же набросился на меня, словно только и ждал, когда ведьма упадет в его объятия. Последним, что промелькнуло перед глазами, прежде, чем разум утонул в путаных сновидениях, была ухмылка этого наглого оборотня. Как его звали? Кажется, Себастьян. Да, точно.

– Себастьян... – прошептала я и, улыбнувшись, уснула.

Глава 4. Смех

Себастьян

Эта юная ведьмочка меня здорово повеселила сегодня. Я учуял их – целый табун длинноногих крошек, когда они еще только подходили к озеру. Кралась по берегу, пытаюсь спрятаться за кустами. Как будто можно обмануть нюх и слух оборотня!

А у сладких девственниц вообще нет шансов пройти мимо незамеченными. Скольких уж уломал, не счесть! Ни один из наших больше не может похвастаться подобным. Потому и завидуют по-черному. Да и плевать, пусть от зависти воют на луну, мне-то что!

Глядя на озеро, которое манило к себе, я медленно разделся, показав себя во всей красе. Мне стесняться нечего! У моей матушки сыночек удался – и ладный, и складный, да и язык подвешен, как надо, во всех смыслах.

Высокий, плечи широкие, таз узкий, на задницу крепкую все бабенки облизываются, когда видят, как я по улице вразвалочку иду. Другим парням только скрипеть зубами от злости и остается.

Глаза еще красивые, не карие или серые, как у большинства моего вида, а желтые, как мед дикий. И ресницы такие, что даже девчонки завидуют. Волосы вот только непонятного, мышинового какого-то цвета, невразумительные. Мать го-

ворит, в папку.

Я его не видал ни разу. По крайней мере, в сознательном возрасте. Он ушел однажды со стаей на охоту, они в волчьем обличии загнали кабаниху, уж рвать начали, но ей на подмогу секач примчался.

А они бешеными становятся, как кровь своих учуют. Трех он затоптал, двух пырнуть клыками успел, прежде чем остальные завалили гада. У батяки моего раны слишком серьезные оказались, все кишки наружу вепрь ему выпустил. Когда до поселения мужики донесли, чтобы ведьма подлата-ла, он уж мертвым был.

Мать с тех пор ни одного оборотня больше к дому не при-вечала. Хотя могла бы, красивая она у меня, статная, при ней все, да еще и личная служанка самой Маат. Почти с самого сотворения ведьмами нашего вида Верховная ведьма ее при себе держит. Даже второго ребенка родить позволила, а этой чести никто ранее не удостаивался.

Обычно паре оборотней дозволяется только раз стать ро-дителями, да и то совсем не часто. Ведь каждый такой ма-лыш стоит ковену очень дорого, он отнимает часть сил их рода, или как-то так, особо в этом не разумею.

Знаю только, что ведьмам проще взять волка – молодого и сильного, провести обряд и превратить в оборотня – та-ких называют Сотворенными. А рожденные оборотнями де-ти, которых именуют Чистокровными, высасывают ведьмов-скую силу, чего те уж очень не любят.

Так что, можно сказать, что моя сестра Катерина – исключение из правил и чудо. Она, и правда, такая. Вроде, и строгая на первый взгляд, как мамка наша, но добрая. Маат ее еще девчонкой забрала в свой дом – для младшей дочери, Сильвии. То ли служанкой, то ли подружкой, то ли игрушкой, уж мне не ведомо.

Но мы часто видимся, помогаем друг другу. А что живем в разных домах, не печалюсь – сестренке повезло жить в довольстве, одежду носить справную, спать на мягких перинах, чего ж плохого-то? На госпожу свою она не жалуется, говорит, что та хорошая, вот только Лавия, гадина, их обоих достает. Как бешеная, на всех кидается, кто под руку попадет-ся.

Никто ее не шпилит, вот она, видать, и лютует. Люди для нее – мусор, а оборотни и того хуже. Другие ведьмы, что попроще, давно любовников в соседних поселениях назаводили. Кое-кто и с нашим видом хулиганит втихую. Я, без ложной скромности, тоже у чаровниц нарасхват, но на постоянку ни к одной не хочу. Каждую ночь новая – куда как интереснее!

Да и мне девицы больше нравятся, чем взрослые шальные бабенки. Все-таки с ведьмами надо держать ухо востро – втюрятся в тебя и приворожат. Будешь потом как щенок за мамкой за ней хвостом ходить, да слюни пускать.

Нет уж! Я хоть и оборотень, слуга, что сказали, то и работаю, но все ж сердце мое только мне принадлежит. И что на

нем, только сам знаю. Свободным его держу от девок, потому как любовь эта ничего хорошего не приносит. Беда это, как лесной пожар, пронесется стеной пламени, все в угольки обратит, всех уничтожит. Не надо мне ее, ни за что!

А Лавия эта, как в женскую силу вошла, один только раз с человеком погреховодничала, чтобы дитя на свет произвести – девочку, мальчики у них не рождаются, хоть тресни. Да и то переплевалась вся, говорят, и закаялась навсегда. Никогда, сказала, более такому не бывать.

Так что, из-за своей гордыни чрезмерной страдает дамочка, сама виновата. Вот только от щедрот ее всем перепадает – и госпоже Сильвии, и сестрице моей, и даже дочурке малолетней этой Лавии, Дженни.

Сегодня, кстати, именно она, Сильвия, в кустах пряталась. Сладкая крошка – ее нежный аромат дразнил ноздри, даже когда на середину озера выплыл. Но наивная, сил нет! Белые волосы под лунным светом так сияли, что у нее просто не было шансов остаться незамеченной.

Эту девочку все парни давно приметили, красавица подрастает редкая! Но ни один оборотень не посмеет к ней сунуться, все же дочка Верховной ведьмы. Обидишь такую, Маат церемониться не станет, наложит какое-нибудь заклинание и пропал!

Было уже пару раз подобное. На мужика, дюже на язык гадкого, чары напустила, теперь, как ругательство скажет, так изо рта жаба выскакивает. Ходит он отныне и молчит,

только вздыхает и кулаком всем грозит.

Что ж, жестко Маат с ним обошлась, но справедливо. Так это за сквернословие наказала, а что будет за родную дочь? И подумать страшно. Как минимум, половую слабость найдет, чтобы никогда больше ни с кем не шалил. Нет уж, и я не рискну, хотя девочка – пальцы по колено откусишь, как говорится.

Но пошутить малость можно. Главное, не заиграться. Однако Себастьян мальчик взрослый, ему не след опасаться из-за какой-то девчонки, хоть и настоящей красотки. Мое каменное сердце неприкосновенно.

Я специально плавал неподалеку, медленно, как доходяга какой, у которого хвост вот-вот отвалится. Потом гляжу, а она из кустов выпрыгнула и к моей одежде шаст! Сграбастала все в охапку, поднялась. А тут я сзади подошел и говорю:

– Вам чем-то приглянулась моя одежка, госпожа Сильвия? Наверное, вы решили ее постирать, да? И заштопать, а то ведь совсем износилась. Хотели помочь бедному Себастьяну, верно? Так благородно с вашей стороны!

– Да... – она послушно кивнула, повернувшись ко мне. – То есть, нет! Ой.

Дошло, наконец, что я голый. Такое выражение лица, это надо было видеть! Похоже, ведьма обнаженного парня впервые увидела! Что ж, все-таки меня угораздило стать у нее первым, хоть в чем-то!

– Бесстыжий! – девушка крепко зажмурилась, покраснела

и резко отвернулась. – Оденься, наглый оборотень!

– С удовольствием бы, – я притворно вздохнул. – А то уже задница вся мурашками покрылась от холода! Про остальные части тела умолчу из уважения к вашей девичьей стыдливости. Вот только вся моя одежда у вас, госпожа Сильвия.

Она разжала руки, уронив тряпье мое на землю, вздернула нос и пошла к поселению, будто и не при делах вовсе. Не выдержал, заржал в голос, как бешеный конь, ей вслед.

Еще не знал тогда, что скоро мне будет не до смеха...

Глава 5. Зверь

Маат

Разговор с дочерью выбил меня из колеи. Хотя, какой разговор, это ссора была, какой у нас еще не случилось. Столько она мне в лицо высказала, выплеснула, никогда не забыть. Но из глубин израненной души слова те неслись, отравленными кинжалами прямо в мое сердце.

Пусть, и эту боль приму, стерплю, лишь бы ей полегчало. Любая мать возьмет страдания своего ребенка на себя, на плечи собственные взвалит, сторбится, но понесет смиренно, лишь бы дитя не мучилось.

Но, увы, как бы ни хотела, мне не помочь Лавии. Не в моих силах умерить страдание, терзающее ее. С самого первого дня, как мы шагнули на землю нового мира, дочь видела лишь его недостатки, запоминала каждую обиду, словно счет вела бедам – чтобы припомнить ему все, когда придет срок.

Нам, и правда, пришлось нелегко. Очень нелегко. Именно тогда, в первые годы, полные лишений, я, ослепленная болью от потери любимого супруга, и упустила дочь. Оставила ее наедине со страданиями, с головой ушла в решение накиннувшихся со всех сторон проблем.

Я подошла к окну и снова позволила воспоминаниям увлечь меня в свой круговорот...

Земля, после Исхода из Алалии, около 20 лет назад

Мы вышли из портала, будто просто открыли дверь из Алалии на Землю. А на самом деле оставили позади целую жизнь. Новый мир оказался суровым, полным испытаний. Невзгоды сыпались на нас одна за другой. Может, из-за того, что мы не являлись его истинными детьми, а пришли издалека, он отнесся к нам как мачеха, вынужденная терпеть падчерицу, всячески третируя и в глубине души надеясь выжить ее исподтишка.

Но ведьмы и сами помнили, будто ласки родной матери, красоты родной Алалии, и с трудом привыкали к новым условиям. Жизнь была сложной. Пользоваться магией на Земле оказалось не так-то просто. В нашем мире Сила сама ложилась в руки, льнула, словно молодая жена, охочая до ласк любимого супруга. Она позволяла чаровницам плести заклинания и насыщать их энергией – быстро и легко.

Здесь же все было совсем по-другому. Окружающая нас Сила, словно норовистая лошадь, взбрыкивала и сбрасывала седока, не желая покоряться. Даже самые простые заклинания стали проблемой. Что уж говорить о другом, если даже на то, чтобы развести огонь, мне, Верховной ведьме, приходилось приложить уйму стараний! А ведь пока что у нас не имелось даже очага, в котором могло уютно потрескивать пламя.

Если в Алалии владение магией было легким приятным делом, словно катить пустые санки по льду, когда они сами

бегут, подталкивая тебя под пятки, то на Земле это стало тяжелым трудом, будто тащить доверху груженные сани летом по песку.

У нас и зимы-то особой не было, а здесь, на Земле, не успели оглянуться, как пришли холода. Всего несколько наспех построенных деревянных домов приняли ведьм на несколько суровых месяцев, завывающих злющими выюгами и сковавшими озеро льдом.

Холодно, голодно и страшно – главные слова той зимы. Вокруг царствовал ужас. До дрожи в коленках, до нервного дерганья шей, когда идешь за водой – с топором в одной руке и ведром в другой, а сама только и делаешь, что оглядываешься по сторонам, чтобы не пропустить атаку хищника.

Кроме того, что сердца наши обливались кровью из-за потери мужчин – мужей, сыновей, братьев, теперь мы еще и в полной мере ощутили себя беспомощными без их защиты и физической силы. Ковен остро нуждался в работниках. Нанимать земных мужчин из соседних поселений было нельзя – о нас и так ходили разные слухи, один другого причудливее, самым сильным ведьмам приходилось часами плести заклинания, отводящие глаза, чтобы к нам не лезли.

Я понимала, что должна сделать, но тянула до последнего. Причин было несколько. Понимала, что вмешательство в природу не останется безнаказанным. Знала, что все твои поступки рано или поздно бумерангом вернутся к тебе, и расплата может стать очень болезненной.

Но, кроме этого, меня останавливали и проблемы с магией. На этом я и сосредоточилась, долгими зимними ночами приручая земную Силу, как капризного недоверчивого хищника. Было непросто, но и к ней нашелся подход.

Однако в процессе я сделала неприятное открытие – на Земле силы нашего рода перестали быть бесконечными. Мощная энергия ковена, связывающая нас воедино, могла истощиться и сойти на нет, сделав нас, сильных чаровниц, абсолютными пустышками по магии. Что ж, с этим неприятным фактом придется считаться, иного не дано.

Бессонные ночи не прошли даром, вскоре я уже учила тому, что постигла, других. Почти вся студеная зима на это ушла, но результаты впечатляли – к первой весенней капели три десятка сильнейших ведьм приспособились к земной энергетике и стали способны претворить в жизнь задуманное мной.

В тот день я также стояла у окна и слушала ночь. Она говорила со мной десятками голосов – ветра, черного неба, шепотом звезд, шелестом крыльев сов, похрустыванием наста под мягкими лапками песка.

И волчьим пронзительным воем, продирающим кожу до мурашек. Тоскливая песнь лилась в морозный воздух, холодя кровь. В этом самоутверждении себя в мире было столько силы, мимолетности мгновения и единения со всем окружающим, заслушаешься!

Пораженная, я сплела тонкую сеть заклинаний, которая

«пометила» этого волка и навсегда изменила его судьбу. Уже к вечеру следующего дня три молчаливых мужика из соседнего поселения привезли к нам клетку – в которой томился пленник с густой серой шерстью, разбавленной черными проталинами по хребту и бокам.

Я расплатилась с этими крестьянами, поспешившими покинуть наше поселение, и посмотрела на хищника.

Желтые глаза внимательно следили за мной, когда подошла ближе. Зарычав, волк оскалился, показав острые белые клыки, и напрягся всем телом, слегка присев на задние лапы, готовый в любой момент спружинить и броситься на меня. Его желания читались без труда. Порвать врагу глотку и умчаться в лес, к своим, в стаю.

– Забудь об этом, – прошептала я, встав напротив клетки, которую поставили в центре двора. – Сегодня у тебя начнется совсем другая жизнь. – Махнула рукой застывшей неподалеку молоденькой ведьме и, когда та, с опаской поглядывая на зверя, подошла, сказала, – открой клетку.

– Верховная мать, да как же можно? – ахнула она. – Ведь растерзает зверюга вас!

– Делай, что тебе велено.

– Помоги, Богиня! – девушка подошла к волку, дрожащей рукой выдернула штырь из крепления и, взвизгнув, отскочила в сторону.

Дверца не открылась, но умный хищник понял, что свобода близко. Бросившись на прутья, он заставил клетку рас-

пахнуться. Волк медленно вышел из нее, словно перетек на снег и, скалясь, пошел на меня. Мышцы играли под густым мехом. Лапы, одна за другой, изящно ступали вперед, сокращая расстояние между нами. Черный нос морщился, когда хищник скалился, демонстрируя острые клыки.

– Не пугай, не выйдет, – я усмехнулась, когда животное остановилось и вновь слегка присело на задние лапы, готовясь к прыжку.

Повела рукой, и Сила плетью взвилась в воздух. Невидимый кнут рассек воздух и щелкнул по снегу, оглушающим хлопком ударив по ушам. Волк замер на секунду, но мятежное сердце снова толкнуло его вперед.

Что ж, у тебя суровый нрав, мы уже поняли. Я усмехнулась и тоже замерла. Зверь замешкался, не понимая, чего от меня ждать. Но из двух вариантов – бежать или нападать, выбрал последнее. Оттолкнувшись от снега, он легко взвился в воздух, громко рыча. Да так в нем и завис, послушный моей воле.

Не понимая, что происходит, хищник беспомощно задержал лапами, косясь по сторонам. Рык перетек в сильный визг. Я медленно опустила его на землю, но не позволила сдвинуться с места. Когда успокоился, подошла, присела рядом на корточки и положила ладонь на холку. Заглянула в глаза.

– Ты понял?

Зверь молчал, вновь взглядом бросая вызов. Но теперь в нем было больше страха, нежели силы. Он понял, кто глав-

нее и опаснее, спрятал клыки и все так же настороженно взирал на незнакомое ему до сего дня существо, не зная, чего ожидать.

– Так ты понял? – повторила строго. – Я жду.

Сняла руку с его загривка, встала. Он помедлил, но потом опустил голову к передним лапам и склонился, исподлобья глядя на меня – теперь уже с уважением.

– Молодец, – похвалила с улыбкой и посмотрела на молодую ведьмочку, которая, не дыша, стояла неподалеку.

Глупая девчонка, я в Алалии драконов в свое время легко укрощала, а уж с земным хищником точно без труда справлюсь!

– Запрыгивай, – я указала волку на камень в центре поляны, освещенной лунным светом.

Огромный кристалл кварца пришлось поднимать из недр земли, на это ушло много магических сил, но результат того стоил – структуры этого валуна многократно усиливали вливаемую в него силу. А учитывая мощные энергетические потоки, идущие из земли в этом месте, можно было не сомневаться, что мне удастся воплотить задуманное в жизнь.

Зверь послушно занял отведенное ему место. Я и еще трое ведьм – сама отбирала тех, у кого созвучная со мной магия, встали рядом и начали плести сеть заклинаний. Словно вытканная умелицами Алалии невесомая пелеринка для невесты, она накрыла хищника легким золотистым сиянием.

Он настороженно покосился на нас, но, успокоенный мо-

им взглядом, даже не шелохнулся. Мы двинулись по кругу, уже пропевая слова чар, которые накладывали на хищника. Вскоре до боли знакомое гудение наполнило воздух над волком.

Звук ласкал слух и одновременно больно жалил в душу. Мое сердце сжалось – в последний раз я слышала его в тот день, когда навсегда рассталась с моим любимым, с супругом Виаром.

Не время сейчас об этом думать. Я смахнула слезинку со щеки, остановилась и вытянула руку в направлении зверя. Остальные последовали моему примеру. Он взвизгнул и сел на задние лапы. Потом лег, тяжело дыша.

– Прости, – прошептала я, подойдя к нему. – Будет больно, но я помогу. – Ладони легли на жесткую шерсть – одна на голову, другая на бок, над сердцем. – Страдания огнем потекли по моим рукам – от него в меня.

Быстро не получилось, но я взяла в себя столько боли этого существа, сколько смогла. Под конец перед глазами уже плясали огненные круги, и мне с трудом удалось разглядеть плод своих стараний – лежащего на камне мужчину. Кровь, заливающая кристалл кварца, стекала на землю. Ее резкий запах сжимал желудок позывами к рвоте.

Оперевшись на валун, я погладила существо по липким волосам. Первый оборотень, сотворенный ведьмами. Он приподнялся, посмотрел на меня, мотнул головой, ничего не понимая, озадаченно уставился на свои руки. Потом соско-

чил с камня, в один упругий прыжок, и замер, тяжело дыша, нагой и весь в крови.

– Не бойся, – я опутала его лентой успокаивающих заклинаний. – Теперь ты получеловек, полуволк. Имя тебе – оборотень, ибо, когда потребуется, будешь принимать звериный облик. Отныне ты служишь нашему ковену, беспрекословно подчиняешься приказам, делаешь все, что тебе будет велено. Понял ли ты меня?

Мужчина кивнул, попытался что-то сказать, но изо рта вырвалось лишь нечленораздельное мычание.

– Речь к тебе придет. Как и привычка к новому телу. А теперь иди в озеро, смой с себя кровь, потом надень вот это, – я указала на кучку одежды на земле.

Пошатываясь с непривычки, все же раньше бегал на четырех лапах, оборотень вошел в холодные воды озера, омывшее его тело, вернулся на берег и оделся, путаясь в рукавах и штанинах. Желтые глаза остановились на моем лице.

– Теперь идем, – я двинулась к поселению. – Тебе нужно многому научиться.

Глава 6. Тайны кулинарии

Сильвия

– Не спим на ходу, девоньки, не спим! – прикрикнула Нина на нас, дежурных по кухне. – Месим тесто и думаем о хорошем, а не о пакостях. Хлеб – он ведь все чувствует, все ваши эмоции впитывает! Чем наполните ковригу, то и съедите.

Она прошла вдоль длинного ряда столов, на которых мы изо всех сил сражались с тестом. Половина девчонок зевала во весь рот, явно мечтая снова забраться под одеяло и досмотреть сладкий сон.

Я бы и сама не отказалась, ведь еще и не рассвело толком, когда меня растолкали и приказали идти на кухню. Наверное, Лавия подсурипила сестре такое счастье с утречка пораньше. Но, что поделаешь, старшим нужно подчиняться.

– Да куда ты в грязных сапожищах-то топаешь, ... !

Мы резко замерли, услышав трехэтажное ругательство. Ух, как! Это даже для Нины, виртуозницы по матерным сказаниям, сильно! Кто ее сподвиг на такой ляпсус, интересно? Я обернулась и...

Ой. Это же Себастьян!

– А ну-ка, сымай этот ужас! – повариха уперла руки в боки, тесня парня обратно в коридор.

– Как сымать-то? – возмутился он. – У меня дров на руках, видишь, сколько?

– Грязь на кухне разводить не позволю! – женщина замачивала на него руками. – Сымай сапоги, кому сказано!

– Вот вредная ты, красавица, – пробурчал оборотень, изворачиваясь, чтобы одной ногой снять обувь с другой. – Снял, довольна?

– Довольна.

– Может, еще чего снять? – он ухмыльнулся. – Одежда тоже не особо чистая на мне. А штаны так и вовсе неделю не стирал!

– Не старайся, охальник, от меня тебе ничего, кроме пендаля, не перепадет! – Нина фыркнула и посторонилась, пропуская его на кухню.

– А зря, кстати, – он уложил охапку поленьев перед очагом. – Не знаешь, от чего отказываешься. – Глаза парня стрельнули в нашу сторону.

Девчонки тут же захихикали.

– Не зыркай тут! – вмешалась повариха. – Сделал дело и иди отседова!

– Точно? – Себастьян прищурился. – Подумай получше, Нинуль, пожалеешь потом, что отказалась. Я ведь тот еще дамский угодник! Некоторые твои девчата вон могут подтвердить!

– Ах, ты ж, бедокур, до баб охочий! – Нина подхватила полотенце. – Проваливай! Как волк ведь к овечкам забрался! Пошел, сказала, или как наподдаю сейчас!

– Уже уйду! – оборотень пошел к двери. – Но ты все же

подумай...

– Паршивец! – женщина огрела его полотенцем по заднице. – Я вот тебе устрою «подумай»!

Себастьян, громко смеясь, вылетел из кухни. Нина, бранясь, погрозила ему вслед кулаком.

А меня парень даже не заметил...

Отгоняя эту мысль, которая почему-то меня расстроила, я сбрызнула водичкой колобки из теста, которые доходили у стен печки, в тепле, и взялась за помывку посуды. Перемыть предстояло целую гору, но это не пугало. Я любила оставаться одна, когда никто не насмешничает, не мешает, и не надо ждать подвоха.

После посуды взяла метлу и как следует прошлась по полу, заглядывая в каждый уголок, отодвигая столы, чтобы вымести грязь из-под их ножек. Уж если делать, то хорошо. Нагрела воду и начала руками, кверху попой, мыть недовольно поскрипывающие половицы. Подол мешался, поэтомуглянула по сторонам и подоткнула его повыше. Вот, теперь гораздо удобнее!

Вода в ведре стала бурой и почти остыла, когда сзади раздалось:

– Красивые панталончики, госпожа Сильвия!

Ой. Ах, ты ж! Я подскочила, в прыжке развернувшись, и швырнула тряпкой в довольную рожу Себастьяна. Он с лег-

костью увернулся, тщательно вытер сапоги о тряпку и, ухмыляясь, подошел ко мне, лихорадочно возвращающей платье на место.

– Да не переживайте, я никому не скажу. О том, что они у вас розовые, с белыми кружевами.

– Что тебе здесь надо? – понимая, что мое лицо красное, как пальцы после чистки свеклы, спросила я.

– Зашел спросить, не нужно ли еще дров?

– Ты же недавно охапку притащил.

– А воды натаскать?

– Нет.

– Тогда, может, хлебом угостите?

– Ой, его же в печь пора сажать! – вскрикнула я и, тщательно вымыв руки, подошла к колобкам.

Да, настоялись и приподнялись, как надо. Открыла заслонку печки, ее нутро дыхнуло мне в лицо жаром. На секунду застыла, любуясь, как по алым углям идет волна перелива – сияют, как драгоценные камни! Потом взяла кочергу и безжалостно разбила красоту, которая тут же недовольно начала швыряться во все стороны искрами.

В ответ я бросила щепотку муки на дальнюю стенку и кивнула сама себе, увидев, что та не вспыхнула, обугливаясь – значит, температура самое то. Что ж, колобочки, прыгайте в печь! Подхватила формы ухватом и усадила в пузо печки.

– Жарьтесь, парьтесь, выпекайтесь, ни на что не отвлекайтесь, – пробормотала вполголоса присказку Нины и вернула

заслонку на место.

– Споро как у вас выходит, – одобрил оборотень. – Любо-дорого поглядеть, как вы работаете!

– А тебе лишь бы самому не работать! – покачала головой, глядя на оборотня. – Ты почему еще здесь? – взяла тряпку и плюхнула в ведро.

– Что ж сразу гнать-то? – он опасливо покосился на мои руки, когда начала отжимать ее. – Вдруг сгожусь на что?

– И на что же?

– Приходите в полдень на поляну к камню Обращения, – прошептал, подойдя ко мне вплотную.

– Еще чего! – фыркнула и указала ему на дверь. – Иди уже, а то скоро Нина придет обед готовить, схлопочешь у нее.

– Да нееее, – отмахнулся, – она добрая, просто шумливая. – Приходите, Сильвия, я ведь ждать буду!

Резко развернулся и ушел. Вот чего ему от меня надо, а?

Глава 7. Камень обращения

Сильвия

Отложила в сторону нож, раздраженно пнула целый таз очищенной картошки. Что ж такое, никак не могу прекратить думать об этом оборотне! Злясь на себя, притопнула ногой и закусила губы. Ведь глупо же, глупо! Заинтриговал, а я и рада стараться, дура! Поди, хохочет над юной ведьмочкой, за пузо держась, чтобы пупок не развязался!

Уж лучше хлебом займусь, поди, поспел как раз. Взяла хват и вытянула из печного нутра первую форму. Ох, аромат-то какой, сразу слюнки потекли! И корочка как надо, золотистая, не треснутая, матовая. Красота, да и только!

Шлепнула «первенца» на стол, натянула рукавицы, достала хлебушек из формы и постучала ладонью по дну. Глухой звук, правильный, как Нина говорит. Удовлетворенно кивнула – готов, и принялась метать на стол остальные ковриги. Выложила в длинные рядки их, тщательно укутала полотном. Хлебу время надобно, он внутри еще допекаться будет, к завтрашней утренней трапезе как раз дойдет до готовности.

А ведь и все. Я внимательно оглядела кухню, но к чему придраться, не нашла. Все на своем месте, пол и столы сияют, посуда перемыта, залитая водой картоха ждет Нину. Дела закончились. При всем желании нечем больше заняться.

Вышла на улицу. И, как назло, солнце как раз в макушку ударило – полдень!

Хорошо, схожу к камню, чтобы не думать потом, чем же оборотень удивить хотел. Что в этом такого? Заодно и ягод малышке Дженни наберу, Лавия ее не пускает в лес со старшими, а тем велено все, что соберут, в заготовки пускать. Оно и верно, конечно, лютыми зимами сушеные ягоды ой как пригодятся. Но племяшке пару горстей всего и надо, ребенок ведь.

Я сняла косынку, распустила волосы, пусть солнышко их гладит, приятно, и зашагала к роце. А вот и камень Обращения – сияет под солнцем, прозрачный почти. На нем матушка с другими ведьмами сотворила первого оборотня. А потом и других. Подошла к нему, прикоснулась – даже под солнечными лучами все равно ледяной!

– Удивительно, правда? – раздался над ухом слишком хорошо знакомый голос.

– Ты меня этим удивлять вздумал? – фыркнула, обернувшись, и постаралась на него снисходительно посмотреть.

Но утонула в желтых глазах, полных искорок. Никогда таких не видела! Как вообще так получилось, что я не знакома с братом Катерины, ведь моя прислужница его родная сестра? Конечно, парням и близко подходить к нашим домам без разрешения запрещено, но все же рядом живем.

– Нет, госпожа, кое-чем другим. – Сделал шаг назад и поманил за собой.

Нахмурилась, но подошла к нему. Стоит против света и улыбается! Чего удумал, пакостник? Не успела задаться этим вопросом, как оборотень резко шагнул ко мне, схватил за руку и крутанул – чтобы оказалась спиной к нему. Ах, так? Внутри полыхнула злость, ладони сами по себе налились Силой, запылала, будто в пузо печи их сунула.

А потом все это одним ударом во все стороны от тела спружинило, упругой волной отшвырнув парня от меня – напрямик к камню Обращения! Он впечатался в него спиной и затих. Ой.

– Себастьян, ты живой? – подбежала к нему, упала на колени и затормошила его, уронившего голову на грудь.

– Вы запомнили мое имя? – пробормотал и тут же улыбнулся.

– Что в этом такого? Имя у каждого имеется. – Смущенно отвела взгляд, а потом вспомнила, что оборотень сделал, расвирепела и стукнула его по ноге. – Лучше, скажи, что творишь?!

– Проверяю, есть ли в вас магия, госпожа Сильвия.

– Да кто ты такой, чтобы... – задохнулась от злости.

Вскочила и с трудом удержалась, чтобы не пнуть гада. Способности чаровницы – это же настолько интимное! Как он посмел в это лезть, что возомнил о себе?

– Оборотню ли судить о Силе ведьмы?!

– Вы правы, – наглец поднялся, покачнулся и помотал головой. – Просто думал, что вы перед госпожой Лавией из-за

ее Силы робеете, ибо своя хилая. Но эксперимент показал, что это не так. Следовательно, дело не в этом.

– Ну, и в чем же тогда, по-твоему, дело? – спросила раздраженно.

Слова-то какие знает, надо же! «Эксперимент», «следовательно»! Стоит тут передо мной, умничает!

– В том, что вы и мысли не допускаете, что может быть по-другому.

Замолчал, глядя в мое лицо. И вся злость испарилась. Озадаченно пожала плечами. Да, он прав, никогда и в голову не приходило, что между нами с Лавией могут быть простые сестринские отношения, без ругани и оплеух. Не могу такое представить, честное слово!

– Если не начнете защищаться, ничего не изменится, – тихо добавил Себастьян.

Тоже правда. Но с какого перепуга он в это лезет?

– Да, это не мое дело, – словно прочитав мысли, кивнул оборотень. – Этим матушка ваша должна была озаботиться. Но ее почему-то вовсе не волнует то, как старшая дочь обращается с младшей. – Он пытливо глянул на меня. – Отчего так?

А я ведь ни разочка не думала об этом, никогда! Правда, почему? Какие-то слишком уж серьезные и сложные вопросы задает это парень.

– Мама – Верховная ведьма, у нее забот навалом, некогда дрызгами между сестрами заниматься, – ответила с ка-

менным лицом, а сама почувствовала, как в сердце кольнула обида.

– Простите, госпожа Сильвия, при всем моем уважении, это ее не извиняет.

– Тебе-то какое дело, в конце концов? – как Нина, уперла руки в талию и склонила голову набок.

– Я просто хочу помочь, – подойдя ко мне, ответил он. – Позвольте?

Еще пара шагов, и парень подошел так близко, что ощутила его дыхание, которое пахло земляникой.

– Откуда? – спросила тихо, поведя носом.

– Откуда я такой красивый? – ухмыльнулся наглый.

– Вот прямо! Откуда земляника? Где брал, бесовестный?

– Землянику? – переспросил озадаченно, хмурия лоб.

– Да, – не отказала себе в удовольствии и, невинно хлопая глазками, напомнила, – это ягодка такая, маленькая, красненькая, сладкая.

– А зачем вам?

– Сестре наберу, она ее обожает.

– Хорошо, идемте, покажу.

– Идем.

Глава 8. Голос рассудка

Себастьян

Ухмыльнулся и зашагал к лесу, с трудом сдерживаясь, чтобы не заржать. Веду девушку по ягоды. Реально по ягоды! Елки-палки, лес густой, теряю хватку! Ведь узнает кто из наших, засмеют!

А Сильвия тем временем присела возле россыпи сочных земляничин и начала собирать их. Сначала в горсть, потом в подол. И ведь ни одной в рот не положила, все для сестренки старательно собрала, хотя от сладкого аромата ягод даже у меня слюнки потекли.

Покачал головой, достал нож и отошел к березе. Долго возиться не пришлось – привычные руки быстро настрогали березового лыка. Пальцы тоже шустро управились, переплетая его между собой.

– Возьмите, так сподручнее будет, – протянул ей березовый туесок.

– Ой, – так тепло улыбнулась, будто бусы коралловые преподнес, – спасибо, Себастьян!

В груди жарко полыхнуло, словно сердце растеклось расплавленной лужей.

– Пожалуйста, – пробормотал и отошел в сторону, к ручейку, журчащему в траве.

Руки омыл, лицо ополоснул, набрал пригоршню воды и

выпил. Ох, ледяная какая, аж зубы заломило, но вкусная, летом, травами напоенная. Вкус свободы. Когда сам себе хозяин и весь мир твой. Иди, куда глаза глядят, да смотри, как в чужих краях жизнь устроена. Бывает ли так у кого-то?

– Себастьян, – Сильвия присела рядом и проделала все в точности так же, как я только что. – Пора идти, обед скоро, хватятся ведь меня.

– Тогда идемте, – поднялся и протянул ей руку.

– Вкусная водица, – девушка вложила свою ладошку в мою.

Сжал осторожно. Такая нежная. А ведь Сильвия бездельем не избалована, как увижу ее, всегда в работе. Не все молоденькие ведьмочки такие. Многие на служанок хлопоты спихивают, а потом бессовестно старшим отчитываются, что сами все дела приделали.

– Много набрали, – когда зашагали обратно, я кивнул на туесок, до краев полный.

– Да не так уж много, – она смущенно улыбнулась. – Малышка Дженни все в один присест слопает!

Отблески от ее белоснежных волос ослепили, но глаз не отвел. А она ведь даже не подозревает, насколько хороша! Хотя оно и понятно, дочь Маат все-таки, даже такой удалец, как я, не решится ее внимание одаривать, да комплиментами сыпать.

Да и еще кое-что есть – такую на сеновал не позовешь, она из другого теста. Впрочем, мужней женой ей тоже не стать,

Верховная жрица позволяет ведьмам только беременеть от людей, но в поселение их приводить запрещено.

Неужели и эта малышка скоро с кем-то из соседних поселений дитя зачнет? Сердце почему-то глухо сжалось. Представил ее с молодым барчуком, хозяином огромного замка, зубастые башни которого видно со смотровой башни. Кулаки сами стиснулись, как и зубы. Да глотку бы перегрыз этому щеголю, едва он о таком подумал бы!

– Себастьян, ты чего? – голос Сильвии отрезвил. – Идет, бурчит, побелел весь. Что стряслось?

– Ничего, – буркнул, не глядя на нее. – Тебе пора, наверное. – Кивнул на поварской дом.

– Да, скоро Нина придет, помогу с обедом. – Девушка открыла дверь и зашла внутрь.

Постоял у ступенек, жуя сорванную травинку, а потом чуть ею и не подавился – услышав крик.

– Что стряслось? – ворвался в дом и замер, глядя на залитое слезами лицо Сильвии.

Ни слова ни говоря, она указала дрожащим пальцем на раскиданный по полу хлеб.

– Это какая же скотина такое сотворила? – ахнул я.

У кого рука поднялась? Неужто этот мерзавец позабыл, каково это – студенной зимой после неурожая доставать из-за пазухи кусочек черствый хлебушка, заботливо в тряпицу чистую завернутый? Чтобы аромат его вдохнуть, а потом обратно убрать. Разные мы все, конечно, но и оборотни, и ведь-

мы ведали цену хлебу, уважали его.

– Что тут происходит?! – громыхнул сзади суровый женский голос.

Пусть это будет не тот, на кого думаю – взмолился, оборачиваясь. Но нет, это и в самом деле Лавия. Да чтоб ее, эту стерву треклятую! И откуда только взялась в самый неурочный час, да еще на кухне! Она сюда за все время, поди, и десяти раз не заглянула, а тут нате, приперлась.

– Да что же вы такое сотворили, паскудники! – дрянь взмахнула руками и поперла на сестру. – Сильвия, да я же тебя за такое!..

– Уймись, леди. – Я преградил мегере путь.

– Ой. – Потрясенно ахнула за моей спиной ее сестра.

– Ты ничего не попутал, волк? – холодно осведомилась Лавия.

Лишь по огню, бушующему в ее глазах, я понял, что она в бешенстве.

– Нет, госпожа, ничего не попутал. – Спокойно ответил. – Не против я, когда малышню лупят за проказы. Заднице от розог ничего, окромя пользы, не будет. А вот молодых девушек лупить почем зря уже и поздно, и незачем. Негоже таким заниматься вам. Да еще и без вины сестру наказывать.

– Тебе ли решать, на ком есть вина, а кто безвинный?

– А кому же? – пожал плечами. – Видел я, что в порядке все было, когда Сильвия ушла из кухни. А это безобразие она, только вернувшись, и увидела. Мы оба увидели.

– Выходит, ты за ней хвостом ходишь, оборотень? – усмехнулась гадина.

– Да я ж у Нинули первый помощник, прекрасная леди! – улыбнулся, пустил в ход обаяние, надеясь, что хоть малость женского в этой ледышке еще осталось. – Воды наносить, дров принести, печь растопить! Всегда готов помочь!

– Как же не углядел, помощничек, кто так с хлебом обошелся?

– Весь в трудах да заботах увяз, госпожа, не продохнуть!

– На первый раз прощу, но смотри у меня, еще раз на пути моем встанешь, такие чары применю, что лапы отсохнут! Понял, волк?

– Понял, госпожа, как не понять. – Все знают, что ты на расправу скорая да изворотливая.

– А ты, нахалка, что за спиной его прячешься? – Лавия вытянула шею, пытаясь разглядеть сестру. – Чтобы хлеб весь скотине отнесла, да новый испекла взамен порченого! Да поторапливайся, обед уж скоро!

Она резко развернулась, подняв волну воздуха пышной юбкой, и ушла.

– Спасибо, Себастьян, – тихо сказала Сильвия, когда обернулся к ней.

– Пожалуйста, – кивнул и начал закатывать рукава. – Что стоите, госпожа ведьма? У нас работы прорва, пошевеливайтесь!

– Уже бегу, господин оборотень! – она присела в поклоне

и одарила меня озорной улыбкой, от которой сердце в груди снова взорвалось огнем.

Беги прочь, покуда не увяз по самые уши, шепнул рассудок. Но как будто я был в состоянии его слушать!

Глава 9. Драгоценность

Лавия

Драгоценные камни всегда сами липли к моим рукам. И даже ногам – еще в Алалии жених постоянно находил их там, где я прошла. Ему это почему-то безумно нравилось. Уж не знаю, почему, но влюбленные мужчины всегда ведут себя, как идиоты. Здесь, в этом паршивом мире, моя особенность притягивать камни пригодилась, потому что они были все равно, что деньги.

Именно поэтому сейчас я стояла на полянке и шептала заклинания. Обращенные ладонями вниз руки уже ощутимо жгло. Камни поднимались из недр земли, медленно ползли к поверхности, пробивая себе дорогу наверх. Стремясь к своей хозяйке.

А вот и они! Я улыбнулась, глядя на невзрачный камешек, который начал вылезать наружу, будто проклюнувшийся цветок. Следом вылез второй, потом третий. Повела пальцем, и вот уже они лежат на моей ладони – тусклые, грязные. Так не пойдет. Сжала кулак, произнесла небольшое заклинание, разжала пальцы.

Какие мы теперь чистенькие стали да пригожие! Ограниченные, сияющие. Красота же ведь! Отлично! Сунула их в карман, предвкушая, как загорятся глаза лавочника, когда на стол перед ним каменья эти положу. Торговаться начнет, а

сам и взгляд отвести не сумеет от этого чуда расчудесного! Заплатит, как миленький, столько, сколько затребую, да еще рад будет такой успешной сделке.

Я убрала камешки в кошель на поясе и резко повернулась, краем глаза заметив движение сбоку. Неужто подглядывает кто? Редко, конечно, сюда кто забредает, но приходится всегда быть настороже, чтобы пришлые не увидели чего лишнего.

А то ведь растрезвонят потом весть о том, что в долине ведьмы обосновались. И пойдет молва гулять, нарастая, как пожар. Уж тогда лучше возгорание в зародыше потушить, дабы не сгореть всем поселением. Нет человека, и беды нет.

Я вгляделась в лесную чащу. О, да это сестренка моя, а рядом с ней оборотень. Ишь, чего удумала наша тихоня, с волками по лесу шастать! Подожди, сестренка, задам я тебе трепку, враз отучу семью Верховной ведьмы позорить!

Прокралась за ними, ничего такого не углядела, даже жалко стало. Сильвия земляники набрала в туесок, что оборотень ей из бересты на скорую руку соорудил. А потом они и вовсе обратно к поселению пошли.

Недовольно усмехнулась, двинулась за ними следом. И ведь не зря – чуяла, что вскоре будет, где отвести душеньку да поглумиться над младшенькой! Как вошла в поварской дом, так и оцепенела – мыслимое ли дело, хлеб раскидан по полу, будто одержимый бесновался в припадке! Но как двинулась на сестру, чтобы оплеух надавать, дорогу преградил

тот самый оборотень.

Говорил смело, в глаза глядел дерзко, будто ровня я ему. Осадил, не позволил к Сильвии подобраться, спас овечку. Другому не спустила бы с рук, что на пути моем встал, лапы поломала бы, как сухие ветки, а перед этим парнем... И не оробела вовсе, просто запал ушел, злость вся растворилась под взглядом наглых желтых глаз этого красавчика.

Ушла из поварского дома, а сама все о наглom оборотне думала. Откуда взялся такой? И почему никак не могу его из мыслей выгнать своих? Что за наваждение?

Легла на кровать с книжкой, в глаза и строчек-то не увидели. Перед внутренним взором встал он, высокий, широкоплечий, с ухмылкой наглой. Подошел ко мне, властно прижал к себе, поцелуем впился в губы. А потом рванул корсаж, заставив ахнуть, платье сорвал с меня, не церемонясь, на кровать повалил и тут же овладел мной. Насухо, больно, но в то же время так приятно!

Не то, что хлюпик, владелец замка неподалеку от нашего поселения, которого я на роль отца своей дочери избрала. Помню, как исключивил мое тело, словно собака кость, извел вконец! А когда решился от одежды меня освободить, едва не заснула уже. Потом было немного больно, но больше противно от того, как он елозил по мне, пыхтел противно.

Забеременела, к счастью, с одного раза, не зря все же чары плела. От мысли снова с ним ложиться тошнило тут же. А идиот, напротив, страстью воспылал пуще прежнего. И ведь

не привораживала, даже и не думала о таком.

Пришлось заклинание на отворот творить. Помогло. Только запил он, по-черному, говорят. Кувшины с вином не успевают слуги приносить. Но то уж не моя беда. Помогать не стану – пусть это будет ему наказанием, что дочь от него такой бестолочью уродилась, да еще и шепелявой, стыд сплошной!

Я закрыла глаза и вернулась к мыслям о желтоглазом красавчике. Снова представила, как он на постель меня швыряет, в тело мое вторгается безжалостно и яростно. Дыхание перехватило, внизу живота озеро огненное разлилось.

Задрала платье, коснулась там, где все уже было мокрым. Так приятно! А он, нахальный мой, все вжимал меня в постель, рыча сквозь стоны, обжигая затуманенным взглядом волчьих глаз. До тех пор, пока наши тела, переполненные похотью, не изогнулись одновременно, отдавшись экстазу.

Тяжело дыша, открыла глаза и улыбнулась. Что это было? Я и оборотень? Чушь какая! Не бывать тому, никогда! Они всего лишь животные у нас на службе. Хорошо, что никто не узнает о моих постыдных фантазиях. Сраму не оберешься, коли такое вызывает кто. Вот уж врагини-то мои попеременновали бы косточки старшей дочке Маат!

Не дождутся! Я встала с постели, подтерлась куском полотна для ежемесячных женских недомоганий и брезгливо отшвырнула в корзину с грязным бельем. Она полна, кстати. Где моя Мия?

Вот толковая, вроде, служанка, не смотри, что оборотень, но пропадает частенько неизвестно где. Уж не хахаля ли себе завела какого, дрянная девчонка? Надо будет чарами посмотреть. Коли так, я ее быстро отучу, такое заклинание наложу, что ее понос будет прихватывать при одной мысли о парнях!

Услышала голоса на улице и подошла к окну. Нет, ну надо же, опять он, тот самый оборотень, с которым я в мыслях только что... Стоит и с Катериной, прислужницей Сильвии, разговаривает. О чем? Отсюда толком не понять. Можно бы через птицу какую подслушать, но пока чары плету, уж разговор кончится.

Сделаем проще. Слегка приоткрыла ставню и прильнула к стене, ухом почти прижавшись к оконной раме.

– ...вот тогда и принесу. – Катерина погладила парня по предплечью. – Куда тебе столько, торопыжка?

– Котенок, так уж прежние закончились все. – Он скорчил мордашку.

– Прознают твои друзья о тайном увлечении Себастьяна, пропадешь! – она рассмеялась.

– И то верно! – тоже захохотал. – Но ты не говори никому, хорошо?

– Да не скажу, не бойся. – Девушка покачала головой. – Все, уходи, тебя не должны здесь видеть, у ведьминских домов.

Ничего не поняла. Я вздохнула, закрыла окно и спусти-

лась в гостиную.

– Здравствуйте, госпожа Лавия, – Катерина тут же склонила голову.

– С кем это ты лясы точила, вместо того, чтобы работать, негодная? – я прищурилась.

– Прошу прощения! – она побледнела, глазки забегали.

– Хвостом крутишь перед парнями, волчица? Проблем захотела? Расскажу ведь матери!

– Что вы, госпожа! Не гневайтесь, это брат мой старший, Себастьян!

А, так вот, значит, как зовут этого красавчика! Удовлетворенно кивнула, погасив улыбку. Себастьян. Ему подходит. Мужественное имя, не простое, не Боб или Гарри какой-то. Все интереснее и интереснее!

Глава 10. Волчьи повадки

Маат

Около 20 лет назад, Земля

Дракона всегда небо зовет. Так гласила присказка в Алалии. Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит. Так говорят здесь. А смысл тот же.

Я со вздохом огляделась. Полная луна серебрила все вокруг. По двору мелькнула тень. Скрипнули ворота.

– Вот видите, госпожа! – тут же торжествующе воскликнула молодая ведьма, стоявшая рядом со мной на крыльце. – И так каждый день! Чуть все успокоится, он в ночь шаст, и нет его, хвостатого!

– Вижу.

– Только под утро возвращается, голубчик!

– Ступай спать.

– Добрых снов вам, госпожа. – Девушка ушла, а я осталась во дворе.

Около 20 лет назад, Земля

Ночь сияла над головой россыпью льдицистых звезд. Как на Алалии. Созвездия другие, но если не вглядываться, можно представить, что стою под небом обожаемой Родины. Сейчас подойдет Виар, обнимет сзади, погладит мой большой живот. Дочка внутри толкнется, почувствовав папу, он

рассмеется счастливо, и все в душе перевернется от нежности.

Моя дрожащая рука легла на талию. Никогда больше этого не будет. Те времена ушли безвозвратно. Что я могла сделать по-другому? Может, Лавия права, стоило что-то попробовать? Вдруг помогло бы? Кто знает...

Малышка зашевелилась, отвлекая меня от терзающих душу мыслей. Все хорошо, крошка. Ничего не поделаешь, твоей маме всю жизнь придется терзаться сомнениями, правильно ли она поступила. Маленькая дочурка, зачатая как раз накануне Исхода из Алалии. Прощальный дар от моего любимого Виара!

Не я одна беременной ушла из нашего родного мира, были и другие. Но все, кто мальчиков носил, тут же выкинули. А в преждевременных родах на свет произвели только мертвых младенцев мужского пола. Видимо, так неисправный портал повлиял. И с тех пор только девочками беременели ведьмы, никак иначе.

Я вернулась в спальню, но сон не шел. Когда небо начало светлеть, снова вышла во двор. И как раз вовремя. Скрипнула калитка. В сером воздухе промелькнула тень.

– Стой. – Велела я, и она замерла. – Подойди.

– Госпожа. – Оборотень приблизился.

Глаза настороженно глянули на меня из-под густых бровей. Чует свою вину, окаянный.

– К стае сбегает каждую ночь? – спросила прямо, чего

таиться.

– К ней, – глухо ответил. – Сердце зовет.

– Хочешь навсегда в животное воротиться?

– Сказал бы, что хочу, да неправдой это будет. – Тяжело вздохнул. – По-иному теперь все, будто проснулся я. Но... душа в клочья, как слышу вой своих.

Что ж, это ожидаемо. Хоть зверь, хоть человек, без любви жить не могут.

– Иди ложись и спи до обеда, – толкнула в его сторону заклинание дремы.

Зевая, оборотень ушел, а я начала плести сеть чар. Найти его стаю было несложно, приманить к поселению обманкой волчьего зова тоже оказалось легко. А потом все повторилось на камне Обращения. Тяжело дышащие оборотни вставали с него, послушно шли на омовение в озеро, одевались, а потом смиренно слушали меня, свыкаясь со своей новой ролью.

Их вожак встретил нас в воротах, обнял свою семью – теперь в людском обличии.

– Пора бы вам обзавестись именами, – спохватилась я. – Нарекаю Хэнком тебя, первый оборотень, жену твою отныне зовут Сара.

Они слушали меня, не в силах разомкнуть руки. Сбитые с толку, ошеломленные, но крепко держащиеся друг за друга. Чтобы быть вместе, какие бы каверзы не подкинула судьба.

А она, причудливая, именно этим и занялась.

Мы прожили лето – жаркое, но урожайное, встретили осень – ярко раскрасившую все вокруг, и приготовились к приходу зимы. Вернее, нам, самонадеянным, казалось, что мы готовы – ко всему. Но этот мир с легкостью развеял нашу уверенность, будто туман поутру.

В то утро я проснулась будто от толчка в грудь. Думала, что молоко переполняет груди, пора кормить крошку Сильвию. Но нет, дело было не в этом. Сердце сжалось, словно кто-то ударил Силой и теперь выкручивал мою собственную энергию на себя, выкачивая ведьмовскую мощь. Что такое?

– Матушка, что происходит? – в спальню ворвалась Лавия, тоже держась за грудь.

– Не ведаю сего, дочь.

Я села на кровати, прикрыла глаза и погрузилась в себя. Взбунтовавшиеся чары открыли мне правду: виной всему было первое дитя оборотней, этим утром покинувшее чрево матери.

Сара родила Хэнку сына – крепкого, желтоглазого мальчугана. Который дорого стоил ковену. Малыш оттянул часть наших родовых сил, так легко, как высасывал молоко из груди матери.

Не доглядела. Я, Верховая ведьма, упустила из виду такую вероятность, подвела ковен. Этот мир снова преподнес неприятный сюрприз. Что ж, ошибки надо исправлять!

Они улыбались. Все трое: Сара, лежащая на кровати, прижимающая к груди ребенка, Хэнк, сидящий рядом – с тем самым неопишимым выражением лица, которое бывает у мужчин, когда они впервые смотрят на свое дитя и пытаются свыкнуться с мыслью о том, что теперь являются отцами, и сам малыш – желтоглазый крепыш.

– Вознесем хвалу Богине за это чудо! – сказала я, хотя думала совсем о другом. – Пусть растет здоровым ее дар.

Который вытянул из ковена хоть и небольшую, но ощутимую часть сил.

– Благодарим вас, Верховная ведьма, – хором ответили родители.

– Отдыхайте.

Я вышла из их дома, и на меня тут же напала дочь.

– Ты так все и оставишь, мама?! Дашь этому существу жить?

– Это всего лишь ребенок, Лавия.

– Это отродье оборотней, которое существует за счет наших сил!

– Успокойся.

– Не верю своим глазам! – дочь сжала кулаки. – Только не говори, что позволишь им размножиться!

– Это мне решать, – я отошла от нее и направилась к дому.

В чем-то моя жестокая дочь все же была права – если позволить оборотням плодиться, каждое их дитя будет уменьшать силу нашего ковена, пока та не сойдет на нет. Так не

пойдет. С другой стороны, инстинкт воспроизведения силен, это отличный инструмент для управления нашими слугами. Только пользоваться им следует умело и осмотрительно.

Все обдумав, я провела ритуал, который сделал обратней бесплодными. Теперь беременеть они могли только после моего разрешения и проведения специального обряда. Отныне силам ковена ничего не угрожало. А оборотни стали шелковыми, чтобы тяжелым трудом и послушанием заслужить право стать родителями. Теперь они были готовы на все – ради возможности обнять свое дитя.

Глава 11. Запах похоти

Себастьян

– Значит, Алана? – я усмехнулся, глядя на мелкого.

– Агась, – отозвался он, почесывая пятку.

И ведь стоит на одной ноге, прижав ступню другой к колену, и хоть бы хны, не падает! Не зря его Цаплей прозвали!

– Ладно, беги, и о нашем разговоре молчок!

– А то! – мальчишка умчался.

Что ж, теперь знаю, кто издевается над Сильвией. Видел эту Алану – вся из себя брюнетка, на деле – пустышка. Такую уму-разуму поучить сама Богиня велела!

Я прошел узкими улочками между нашими маленькими домиками и вышел на мощеную камнем дорогу, ведущую к поселению ведьм. Обошел самый большой дом, где жила Маат, и заглянул во внутренний дворик. Никого, хорошо. Вынул из кармана камешек и кинул в окно третьего этажа – сестра обычно там, стиркой-глажкой или еще чем занята.

Ага, так и есть – выглянула, закивала, мол, сейчас спустится. А вот и топот ног по лестнице.

– Ты что тут делаешь, прохиндей? – зашипела, подбежав ко мне и стреляя карими глазками по сторонам. – Ведь заметят! – но все же улыбнулась и обняла.

– По делу пришел, – привычно дернул ее за густой хвост из каштановых волос, как в детстве. – Книги новые кто обе-

щал достать?

– Раз обещала, достану, – она покачала головой. – Как дочитает госпожа Маат, велит в библиотеку отнести, вот тогда и принесу. – Она погладила меня по предплечью. – Куда тебе столько, торопыжка?

– Котенок, так уж прежние закончились все.

– Прознают твои друзья о тайном увлечении Себастьяна, пропадешь! – она рассмеялась. – Будут дразнить Почитайлой, вот увидишь!

– И то верно! – тоже захохотал, а сам повел носом. Показалось? – Но ты не говори никому, хорошо? – нет, и в самом деле, похотью пахнуло из приоткрытого на третьем этаже окна.

Знаю этот запах! Аромат женского желания – по нему всегда могу определить, мокрая уже крошка или еще позабавывать надо.

– Не скажу, не бойся. – Девушка посерьезнела. – Все, уходи, тебя не должны здесь видеть, у ведьминских домов.

Да, мне и в самом деле, пора. Глянул на окно, гадая, кто же там похотью исходит, и зашагал обратно под пристальным взглядом сестры. Она вся в нашу мамку – уж коли глядит вслед тревожно, всей кожей это чувствуешь, мурашки так и бегают, огромные, как стая гусей, что по улице за петухом гоняются.

У поворота посмотрел через плечо, убедился, что сестренка убежала уже, и свернул не к дороге, а к двухэтажно-

му дому. А вот и служанка этой пигалицы Аланы! Удачно вышло. Сейчас сообщит госпоже, что возле дома красавчик оборотень шныряет, та тут же и выскочит, как лиса любопытная из норы.

Ага, вот и занавеска шевельнулась. Прислонился к фонарю, усмехаясь. Ну? Три, два, один... Дверь распахнулась.

– Ты чего это здесь? – девушка стрельнула глазками.

– Привет, красивая! – натянул на лицо ухмылку, после которой ни одна еще не отказала. – Шел мимо, дай, думаю, зайду. Вдруг удастся красотой такой полюбоваться. И видишь, свезло мне, тебя встретил, как и мечтал. День удался!

– Складно поешь, – она с подозрением глянула на меня, прищурившись.

– Вдохновлен любовью! – в ход пошли козыри. – Жаль, времени нет, работы невпроворот. Идти уж пора.

– Какой ты, – она кокетливо улыбнулась. – Прилетел, почирикал и сбежал?

– Мне вообще тут появляться нельзя, сама знаешь, прибьют, коли поймают. Но сердце бедного оборотня все равно, куда не иду, все к тебе ведет!

Ведьма довольно улыбнулась. Да неужто так просто? Неинтересно даже.

– Приходи сегодня к амбару, – прошептал, прижав девчонку к стене. – Сразу после ужина. Не томи, ждать ведь буду, приходи!

И, не дав ей времени отказаться, разворачиваемся и быст-

ро уходим. Все, голову на отсечение даю, явится она. Прибежит, как миленькая!

А вот и она. С крыши, на которой сидел, эту ведьмочку издалека приметил. Бежит, торопится, умора! Нырнул в окно, потом спрыгнул на душистое сено. Помню, нас с Катериной мать всегда сюда водила, коли занебудим. Говорила, поваляйся на сене, вся хворь и уйдет. Так и было. Но сейчас сено пригодится совсем для другого. Хотя, по иронии судьбы, будет, как в детстве – поваляемся на сене, и все пройдет.

Скрипнула дверь. Осторожные шаги, сухие травинки поскрипывают под ногами. Подошел сзади. Обвил руками талию. Ахнула испуганно, сердечко, поди, екнуло. Но вырваться не стала.

Девки, ну в самом деле, неужели не ясно, что любой мужик прежде всего – охотник! А яблоко, которое само с дерева свалилось да по лобешнику треснуло, в лучшем случае пнешь равнодушно, чтобы закатилось куда-нибудь да сгнило.

– Пришла, – промурлыкал, по возможности, восторженно, провел пальцем по шее.

– Позвал ведь. – Томно выдохнула.

Логично. Чуть не заржал в голос. Да, интриганка из тебя так себе. Но, тем не менее.

– Иди ко мне, – развернул лицом к себе, впился поцелуем

в губы.

Яростно, как бы страстно. Девчата такое любят. Из разряда «бьет, значит, любит». Хотя я бы сказал, что если дубасит, то попросту кулаки чешутся, и он тебя ни в грош ломаный не ставит. Но кто меня спрашивает.

Алана ответила вполне пылко, но неумело. Эх, ведьмочка, сочувствую, но мы здесь не для того, чтобы оставлять тебе приятные воспоминания о первом разе. Кстати, хватит меня слюнявить, пора приступать.

Уронил крошку в сено, вскрикнула, но даже не попыталась оттолкнуть нахала. Тебя только привели на сеновал, парня ты и дня не знаешь, но уже ноги раздвигаешь, Алана? Так низко себя ценишь? Ладно, спишем на неопытность. Или мою неотразимость.

Усмехнулся, но продолжил целовать. Рука смело поползла под подол. Ведьмочка что-то пискнула, пытаюсь протестовать, но пальцы уже достигли цели, протест затух, не успев оформиться, и перерос в стон. Снять с нее платье труда не составило, уже наловчился справляться со всеми этими шнуровками, крючочками да лентами. Следом в сторону полетели панталончики.

– Ты такая красивая, – окинул как бы восхищенным взглядом голую деваху.

– Теперь ты раздевайся, – заявила ведьма и облизала пересохшие губы.

Похоже, кому-то не терпится сегодня похвастаться своей

своре подпевал, что стала женщиной. Извини, малышка, у нас совсем иные цели.

– Чуть позже, – ответил и достал из кармана красный шейный платок. – Поиграем?

– Во что?

В шахматы, твою мать!

– Я буду писать на твоей восхитительной коже слова кончиком языка, а ты угадывать их.

– Хорошо, – безропотно позволила завязать себе глаза.

Доверчивость частенько соседствует с глупостью. Хоть бы спросила, зачем в этом случае платок повязывать. Я хмыкнул. Что ж, подготовку закончили, приступим. Встал на ноги, Алану поднял следом. Платье не забыл прихватить и белье.

– Но сначала тебе придется меня поймать, красавица.

– Как это? – занервничала, вытянув руки вперед.

– Вот так, – дотронулся до дрожащих пальчиков. – Иди ко мне, сладкая!

– Где ты? – голос тоже задрожал, на секунду мне даже стало ее жаль. Но лишь на секунду.

– Здесь, совсем рядом, – открыл дверь и спиной вперед вышел на улицу. – Кстати, все спросить хотел. У тебя насморк, что ли?

– С чего ты взял? – даже растерялась, по виду.

– Нос так высоко задираешь, это чтобы сопли не вытекали?

– Что за шуточки? – она тут же вздернула нос.

Да, скоро станет не до смеха.

– Прости, сладкая, иди ко мне.

Ведьма, неуверенно ступая, последовала на мой голос.

Еще шаг, еще, еще. Хватит.

Вложил два пальца в рот и свистнул. Парни вышли из-за амбара и окружили нас.

– Что? Что происходит? – Алана сорвала повязку с глаз и завизжала, увидев свору оборотней.

– Какой пирожок у нас тут бегаёт! – восхитился Кнес, ощупывая взглядом те прелести, которые ведьмочка пыталась прикрыть руками.

– Замерзнет ведь, простудится, – покачал головой Аган.

– Отдай платье, отдай, отдай! – девушка, рыдая, бросилась ко мне.

– Сможешь отнять? – Кнес выхватил его у меня и поднял высоко над головой. – Нет? Тогда придется бежать домой голышом!

– Не побегу! – ведьма снова вздернула нос и сжала кулаки.

– А куда ты денешься! – фыркнул Аган.

– Что не так, Алана? Ты же недавно младшую дочь Маат подговорила мою одежду украсть, пока купался. Мне можно, значит, голым бегать, а тебе зазорно?

– Ты же оборотень!

– А ты ведьма, и что? Это делает тебя лучше? Вряд ли.

И еще кое-что, крошка, – я хватил ее за руку, прижал к се-

бе спиной и прошептал на ухо, – запомни навсегда, что если издеваешься над кем-то, то рано или поздно кто-то поиздевается над тобой. Больше чтобы даже не смотрела на Сильвию! Поняла меня?

– Д-да... – выдохнула она.

– Умница, – довольно кивнул, – за понятливость на вот, держи, – сунул ей в руки панталоны.

– А... платье?

– Извини, пробежку от амбара до дома придется совершить без платья. Это входит в воспитательный процесс. Давай, торопись, а то и в самом деле простудишься.

– Подонки! – взвизгнула девушка.

Едва не упав, она кое-как натянула панталончики и, заливаясь слезами, помчалась к поселению, прикрывая грудь руками.

Я посмотрел ей вслед. Теперь уже не клюет носом облака, задира. Что ж, Сильвия отомщена. Почему же у меня такое мерзкое ощущение, будто перемазался в дерьме?

Глава 12. Желание

Лавия

Погруженная в свои мысли, я не сразу услышала эти вопли. Зато, когда увидела, как по улице бежит, завывая, полуголая Алана, даже остолбенела. Это что еще за безобразие такое?!

– Ты что творишь?! – преградила ей путь, схватила за плечи и начала трясти. – Совсем стыд потеряла, мерзавка?

– Я... я... – всхлипывая, как истеричный ребенок, она не смогла связать и двух слов.

– Успокойся! – отвесила ей пощечину, сняла с себя плащ и прикрыла им срам этой несчастной. – Пойдем в дом, пока никто тебя не заметил! Позорище!

Втолкнула девчонку в дом, когда дошли до него, за шкурку, как котенка, затащила в свою комнату. Достала из шкафа одно из старых платьев, швырнула ей.

– Одевайся и прекращай уже реветь! Что стряслось, рассказывай.

– Он-ни... Я... Он-ни...

– Да что же это такое! – закатила глаза к потолку. Потом плеснула в стакан воды из пузатого графина и сунула ей под нос. – Пей!

Обливаясь и слезами, и водой, девушка влила ее в себя и хоть немного успокоилась.

– Как это произошло? – я уставилась на нее. – Говори давай, и только правду.

– Парень один меня позвал. – Едва слышно ответила Алана и отвела взгляд.

– Куда?

– В... амбар.

– И ты пошла?

Ведьма скукожилась, как сухофрукт, кивнула и снова залилась слезами.

– Хватит потоп устраивать! – прикрикнула я. – Что дальше было?

– Мы целовались и...

– Еще и «и» было?!

– Нет! – она поспешно отвела глаза. – Не хотела, отказала, вот он и отобрал одежду, а меня заставил голой домой бежать!

– Как оборотень посмел так поступить с ведьмой?! – у меня в голове не умещалось подобное. – Он за это ответит, клянусь! Кто это был, говори!

– Себастьян, – в глазах Аланы зажглись мстительные огоньки. – Я его...

– А ну, утихни! – я отошла к окну.

Надо же, опять он! Этот Себастьян просто неразрывно со мной связан, как шов с платьем! Куда ни глянь, всюду этот оборотень!

– Значит, так, – развернулась, приняв решение. – Ты пой-

дешь домой и никому и словечком не обмолвишься о том, что произошло.

– А как же он?

Девчонка, похоже, уже представляет, как ножом его сердце вырезает из груди! Еще чего, размечталась, вертихвостка маленькая! Думала, можно такого парня охмурить, как бы ни так! Таких Себастьян разве что трахнуть может по-быстрому, сразу же даже имя позабыв этой подстилки.

– А им займусь я! Поняла? – посмотрела на Алану. – Поняла, спрашиваю?

– Поняла, – та недовольно кивнула.

– Учти, будешь своевольничать, пожалеешь!

– Не буду, госпожа Лавия.

Правильно, со мной лучше не связываться. И тебе это прекрасно известно, дурочка.

– А теперь быстро одевайся и беги домой. – Я подошла к двери. – И умыться не забудь.

– Вам что-то нужно, госпожа? – Катерина, ловко орудующая утюгом, посмотрела на меня.

Нужно, но не от тебя.

– Ищу Мию.

– Она в саду была.

Что ж, посмотрю там. Эту девку всегда приходится искать!

Я разве что под камни в саду не заглянула, но Мию так и не нашла. А потом услышала смешки какие-то. Да неужто?

Распахнула дверь домика с лопатами и прочим инструментом. Вот она, голубушка! Юбка задрана, ноги раздвинуты, между них садовник устроился. Что сегодня, всех хотенчик обуял?!

– Ох, госпожа! – парень подхватил падающие штаны и понесся прочь.

– Ах, ты, дрянь! – я огрела служанку попавшейся под руку тяткой.

– Простите, госпожа! – та кинулась мне в ноги и принялась целовать башмачки.

– Не смей слюнявить обувь! – я пнула ее в грудь.

В любое другое время за волосы отволокла бы на конюшню, чтобы ее выпороли как следует. Дабы не повадно потом было ноги раздвигать! Но сейчас она была мне нужна.

– Не хнычь! Поднимайся и пойдем. – Брезгливо поморщилась, глядя на ее зареванную физиономию. – Сопли вытри.

Мы вышли из сада и зашагали по брусчатке. Когда вошли в район с приземистыми хижинами оборотней, я накинула на голову капюшон плаща. Вовсе не хочется, чтобы старшую дочь Верховной ведьмы тут заметили.

– Это дом, где Себастьян живет, госпожа, – Мия указала на один из домов.

– Жди тут, внимания не привлекай, – велела я. – Если вернется его мать, предупреди.

– Конечно, конечно, – служанка закивала.

Я зашла внутрь. Тусклый свет нескольких чадящих светильников оказался не в состоянии скрыть красоту Себастьяна, сидящего за столом с книгой. Ладный парень, приходится признать. Даже руки, держащие книгу, аристократичные, красивые, не как у всех местных работяг. Надо же, и не предполагала, что в нем есть тяга к чтению!

– Госпожа Лавия? – он бережно отложил книгу в сторону и поднялся.

Не испугался. Не из робкого десятка, но это и так известно.

– Что привело вас в наш с мамой скромный дом?

– То, что ты сотворил с Аланой. То, что посмел сотворить, вернее.

– Она это заслужила. – Ответил, несколько не смутившись.

Даже так? Хмыкнув, я изогнула бровь. Думала, отнекиваться будет, отрицать, оправдание какое-нибудь нелепое изобретет.

– И чем же заслужила, поведай, наглец.

Ухмыльнулся, сделал шаг навстречу и снова удивил:

– Тем, что проявляла неуважение к вам, госпожа.

Мои глаза широко распахнулись, и не уверена, что по большей части, от изумления. Когда он стоял так близко, на расстоянии вытянутой руки, до меня долетал его запах – не как обычно, от оборотней, немытого тела, навоза и застарев-

лого пота из подмышек. А яркий мускусный аромат сильного самца вперемешку с озерной холодной водой и тонкой ноткой выделанной кожи книжных страниц.

– Какое же... – нервно сглотнула, – неуважение Алана посмела проявить ко мне?

– Она издевалась над Сильвией.

Это меня вообще не волнует!

– Разве смеет кто-то третировать вашу младшую сестру? – продолжил Себастьян. – Ведь это прямое оскорбление вам, старшей дочери госпожи Маат, верно?

– Верно, – рассеянно выдохнула я.

Хотелось соглашаться с каждым словом, вылетающим из его уст – таких притягательных, твердо очерченных. Какие они на вкус, интересно? Никогда не испытывала желания целовать мужчину, даже жениху в Алалии уступала скорее из любопытства, нежели из желания. А оборотня хочу, очень даже хочу. И не только поцеловать.

– Вот я и наказал наглую девчонку, госпожа, – сделал еще шаг вперед. – Теперь она не посмеет больше так себя вести по отношению к вам.

– Что ж, и я хотела наказать тебя, волк, – с трудом отвела от него взгляд. – Но теперь, узнав мотивы твоего поступка, прощу.

– Благодарю, госпожа Лавия.

Какие искорки в глазах этого своенравного неслуха, засмотришься! Так хотелось бы сейчас, чтобы он... Ох, да при-

ди же в себя! Я отступила на шаг, дивясь тому, что только что едва не повисла на шее у этого оборотня!

– Больше не своевольничай, Себастьян.

Хотела сказать строго, но получилось скорее просительно.

– Увы, госпожа, у меня никак не получается сдерживаться, – так ухмыльнулся, что сама едва сдержалась, чтобы не наброситься на этого лакомого самца!

– Придется научиться, – пробормотала, отступая к двери. – Придется.

Пора уходить, от греха подальше! А так хочется быть к греху поближе!

Глава 13. Гримуар

Сильвия

Ох, как же устала за сегодняшний день! Широко зевая, я вошла в дом и начала подниматься по ступенькам. Как же их много, а ноги уже гудят.

– Плифет, Шильви! – раздался звонкий голосок.

Подняла голову и рассмеялась – невозможно смотреть на эту улыбающуюся беззубую мордашку и грустить!

– Привет, беззубик! – я обняла племяшку. – Кто у тебя зуб украл, признавайся!

– Не шнаю, – она развела руки в стороны, так серьезно, что вновь заставила меня рассмеяться. – Плетштафляешь, съела его! Тепель в пузике тоше жупки пудут!

– Кусачее пузико, – пощекотала ее брюшко, взяла за руку и пошла к спальням. – Пойдем, уложу баиньки и...

– Ой, шмотли! – перебила девочка, застыв.

Я тоже замерла, глядя на свет, что лился из приоткрытой комнаты нашей с Лавией матери. Яркий какой, надо же! Даже если сотню свечей зажечь, такого не добьешься.

– Пошмотлим? – глазенки Дженни стали умоляющими.

– Любопытная ты малявочка! – покачала головой, но и сама не устояла.

– Ты тоше любопытная мялявоцька! – хихикнула девочка, когда мы подошли к спальне.

– Ага, – я приоткрыла дверь. – Ух, ты!

По комнате словно пыльца белая летала, сияя.

– Штолово! – племяшка закружилась в ней, смеясь.

А я заметила большую книгу, что покоилась на деревянном постаменте высотой мне по грудь. Это же гримуар Верховной ведьмы! Реликвия из Алалии, которую спасли тайры, личные служанки матери, погибшие при переходе! К ней никому не разрешалось прикасаться, даже смотреть не дозволялось.

Но увидеть ее и так было невозможно, книга пряталась от чужих, проявляясь только в самых редких случаях. Например, если нужно было спасти от пожара. Почему же сейчас я ее вижу? И не просто смотрю, а глаза отвести не могу! А ноги уже ступают к постаменту, руки тянутся к гримуару матери, сами по себе!

Пальцы погладили поверхность из тонких косичек разного цвета, сплетенных из волос, принадлежащих Верховным ведьмам, которые когда-то владели этой реликвией. Если книга признавала новую хозяйку, у той срезали прядь, сплетали в тонкую косичку и помещали на обложке, рядом с другими. С этого момента ведьма и гримуар были связаны навсегда. Говорят, самая первая, белая, принадлежит Матери, родоначальнице нашего рода.

Я открыла книгу и, затаив дыхание, осторожно прикоснулась к желтым страницам, по которым вилась вязь черных букв. Впервые такие вижу! Ой. Прямо под моими ладонями

незнакомые слова зашевелились, как мелкие жучки и...

– Даноре кази по, – прочитала я.

Ой.

Из страницы вырвался сноп золотых искр. Замерев над ней, он превратился в большую искрящуюся птицу, которая взмахнула крыльями и выпорхнула в окно! Раскрыв рот, я смотрела ей вслед, на поскрипывающую створку окна, которая распахнулась из-за диковинной птахи. Вот это да!

Никогда особо не была сильна в магии. Да и пользоваться ею, когда взбредет в дурную голову, строго-настрого запрещалось, чтобы тайны ведьм не стали известны людям.

– Идем, Дженни, – я взяла малышку, замершую от восторга, за руку и потащила к двери. – А то нам попадет, как пить дать!

Маат

Небо уже налилось темно-синими сумерками, когда я свернула к дому. Шла быстрыми шагами, размышляя о предчувствии, которое сосущей болью в желудке давно уже мучило меня. Каждая Верховная ведьма рано или поздно с ним сталкивается. Первый намек судьбы на то, что мой срок подходит к концу.

Смерти я не боялась. Мысль о встрече с любимым супругом грела изнутри и побуждала улыбаться. Безумно скучаю по нему. Чувствую, что он ждет. В ином мире или в новых жизнях, мы все равно встретимся, со связанными душами

всегда так, они блуждают во Вселенной, рождаясь в разных мирах, тоскуют и ищут друг друга.

Так что конечный неизбежный итог любой жизни меня не страшит. Но надо привести дела в порядок. А главное, что обязана сделать Верховная ведьма, прежде чем покинуть свое тело навсегда, это воспитать преемницу. Испокон веков чаровницы Алалии растили для этого дочерей. Выбирали самую сильную, подходящую и обучали премудростям, недоступным для других.

У меня две дочери. Лавия и Сильвия. Мои девочки. Такие разные! Младшая, прощальный дар любимого Виара, его копия во всем, даже в мимике. Но, в отличие от отца, редко-го по силе мага, эта беловолосая девочка как ведьма почти нулевая.

Может, сказалось то, что беременность прошла не в Алалии, мощь Родины не напитала ее в моем чреве. Или просто так суждено, не знаю. Судьба, как паук, неспешно плетет свою огромную паутину, и кому что уготовано, покажет только время.

А Лавия... Моя боль, вечный укор и боль. Страстная, порывистая, как отец. Но вздорная, даже жестокая, эгоистичная, как моя мать, которая шла на все, лишь бы добиться желаемого. Не такой я видела Верховную ведьму, которой передам власть и заботу о ковене в эти непростые времена. Но выбора высшие силы мне не предоставили. Придется, как говорили гончары в Алалии, лепить из той глины, которую

держат руки.

Размышляя об этом, я свернула во двор своего дома и вздрогнула, ослепленная снопом искр, который с шумом вылетел из окна. Феникс, это же Феникс! И окно – моя спальня! Как такое возможно?!

Проводила взглядом птицу, порожденную заклинанием из моего гримуара. Феникс сверкнул огненным оперением и растаял в почти ночном небе. Вот уж не ожидала такое увидеть! Что за чудеса происходят?

Я вошла в дом. Тишина. Лавии точно еще нет – если она в наличии, слуги бегают с выпученными глазами, все что-то делают, она всем живо работу находит. А пока моя старшая дочь отсутствует, можно насладиться благословенным покоем. Но не сегодня.

Поднялась в свою спальню, повела рукой, заклинанием зажгла свечи. Все буквально пропитано магией. Что ж, тогда используем эту дармовую силу – прошептала нужные слова и картинка перемигнулась на те события, которые совсем недавно наполняли комнату.

Так, вот гримуар раскрывается, высвечивается простое заклинание, пространство наполняется сияющей белой пылью, томик захлопывается. Очень, очень интересно! Книга крайне редко позволяет себе так своевольничать! Что же дальше? Открывается дверь, входят Сильвия и Дженни. Малышка кружится в искорках, а моя младшая дочь напрямик направляется к гримуару.

А ведь книга не исчезла, спрятавшись от ее глаз! Более того, позволила прикоснуться к себе и... Мой гримуар решил девушке себя открыть!

Я встала за плечом дочки, глядя, как пальчики бережно поглаживают листы, а буквы под ее ладонями перестраиваются на местный язык, более привычный этой ведьме. Губы Сильвии шепчут заклинание, со страниц вырывается Феникс и вылетает в окно. А потом девочки поспешно покидают спальню.

Повела рукой, «выключив» воспоминания пространства, и застыла, даже не зная, что и думать. Я ведь считала младшую слабой ведьмой, а получается...

Посмотрела на Книгу.

Получается, гримуар выбрал в мои преемницы Сильвию?

Я ахнула, осознав масштаб проблемы.

Как на это отреагирует Лавия?!

Часть 2. Охота на волков

Глава 1. Без вариантов

Лавия

Довольная, я вышла от лавочника, сжимая в руке приятно тяжелый кошель с монетами. Глянула через плечо на мужчину, который все еще глазел на камни, полученные от меня. На его лице бродила глупая улыбка. Похож на юнца, которого старшие братья взяли с собой в бордель, напоили и впервые показали голую женщину.

– Что дальше, госпожа? – спросила Мия, заглядывая мне в глаза.

– С делами закончили, теперь вот, – вручила ей длиннющий список и усмехнулась, увидев, как вытянулась морда служанки, – купи в точности то, что указано, поняла? Не перепутай, а то накажу!

– Да, госпожа.

– Держи деньги, – положила на ладонь Мии кругляши монет. – Должно хватить.

– Конечно, конечно, – девушка зачарованно уставилась на деньги.

Один в один как лавочник на драгоценные камни! Алчная пройдоха, уже прикидывает, сколько сможет положить себе

в карман. Можно быть уверенной, что торговаться будет до хрипоты. Это мне и надо – избавиться от несносной девчонки на длительный срок. Потому что у меня планы. И какие, м-м-м!

Дождавшись, когда служанка скроется за углом, я направилась к постоялому двору, и вовсе не тому богатому и комфортному, где мы с Мией остановились. Этот был, мягко говоря, захудалым, для тех, кто не мог позволить себе комнату с мягким тюфяком без клопов. Но волновало вовсе не это.

– Госпожа желает снять номер? – подобострастно улыбаясь, портье кинулся ко мне.

– Да, лучший из тех, что имеются. – Я сморщила нос, в который ударила смесь затхлости и фасолевого похлебки. – Самый чистый.

– Конечно, конечно, – он шмыгнув за стойку, цапнул со стены ключ и отдал мне.

– И пошлите мальчишку по этому адресу, – взамен я протянула ему бумажку. – Пусть сделает следующее...

Себастьян

За дорогу до города задницу так растрясло, что она прямо гудела, когда я спрыгнул с телеги около дома священника. Как же приятно размяться! Но кобылке пришлось еще тяжелее – по пути рывины мирно соседствовали с колдобинами и плавно перетекали в лужи, в которых с удовольствием плескались свиньи.

– Спасибо, каурая, – я потрепал ее по жиденькой гриве и начал складывать у стены мешки с ячменем, до которого охоч местный поп.

– Чего, приехали уже? – Аган, дремлющий на телеге, протер глаза.

Он подрых всю дорогу, ни одна кочка не разбудила, прямо завидую.

– Поможешь или будешь валяться, как барин? – с укором глянул на него.

– Ща, погодь, – Аган потянулся всем телом – так, что каждый позвонок щелкнул, как при обращении оборотня.

Он помотал головой, будто сбрасывая остатки дремы, спрыгнул на землю и начал помогать. Вдвоем мы быстро все сгрузили, получили от прижимистого священника монеты и собирались уж было ехать к ближайшей таверне, как подбежал босоногий мальчонка.

– Кто из вас Себастьян? – склонив голову на бок, спросил он.

– Ну, я. Чего тебе?

– Велено передать, – пацан отдал мятый конверт и протаторил адрес. – И, это, она ждет, – наглец хихикнул. – Поторопись!

Ничего не понимая, я посмотрел вслед ускокавшему вприпрыжку мальчишке и открыл конверт. Изнутри изящно выскользнул квадрат плотной бумаги, благоухающей дорогими притирками. «Я тебя жду», значилось на нем. И как это по-

нимать?

– Себ, у тебя и в городе мамзели? – Аган заглянул из-за плеча. – Как ты это делаешь? Чем их приманиваешь, раскрой секрет, а?

– Кое-что медом мажу, – развел руками с ухмылкой. – В полнолуние. На пасеке.

– И чего потом? – простодушный парень затаил дыхание.

– А потом прилетают пчелы, кусают за то самое, медом намазанное, и оно становится таких размеров, что ни одна устоять не может! – давясь смехом, закончил я.

– Тьфу на тебя! – Аган, улыбаясь, махнул рукой. – Иди уж, раз ждет. Расскажешь потом, во всех подробностях!

– Ага, как же! – спрятал конверт за пазуху и отправился по указанному адресу, пытаясь избавиться от ощущения, что добром это не кончится.

Лавия

Так, что еще? Я придиричиво оглядела пространство. Приятный полумрак, разбавленный светом от пары десятков свечей, создавал нужный настрой и скрывал обшарпанные стены и кособокие стол со стульями. Аромат роз с капелькой ванили дарили масла. Кровать хоть и убогая, но с шелковым розовым бельем, которое привезла с собой, смотрится очень даже прилично.

А еще лучше будет выглядеть, когда я расположусь на ней. В пеньюаре, который чудом сохранился со времен Алалии –

черный с белой вышивкой, невесомый и такой приятный для тела, будто кожу гладит любимый. Зеркало тут скорее напоминает отполированный медный таз, но даже в нем выгляжу великолепно!

Шаги в коридоре! Он! Быстро нырнула в кровать и устроилась поудобнее, приняв соблазнительную позу. Слегка оголить бедро – так, чтобы разжечь его желание, но не казаться озабоченной девицей легкого поведения. Да, вот так!

Стук в дверь заставил вздрогнуть. Внутри все сладко жжалось в предвкушении. Я поправила локон, углубила декольте и выдохнула:

– Войдите!

Дверь заскрипела на весь постоянный двор, заставив скрипеть. Они их вообще, что ли, не смазывали никогда?!

– Госпожа Лавия? – Себастьян озадаченно посмотрел на меня, застыв в проходе.

Одна его бровь изогнулась, как горный пик, лоб прорезали глубокие морщины. А ведь он совсем молодой! Ничего, я им займусь, сварю крем для кожи, он и без ворожбы волшебный, а если подпитать заклинанием, так и вовсе все морщины уберет! Мой мальчик должен хорошо выглядеть – для своей госпожи!

– Закрой дверь, если не желаешь, чтобы все увидели, как тебе повезло, – пропела я, немного нервничая – как-то не хочется, чтобы местные нищелюбы увидели меня полуголой.

Парень послушно толкнул ладонью эту скрипучую рух-

лядь, и она захлопнулась, причмокнув.

А оборотень-то, похоже, оцепенел от того счастья, которое ему привалило! Я хихикнула, довольная тем, как он на меня смотрит, не в силах глаз отвести. Интересно, а у него уже?.. Почувствовала, как запылали щеки. Кровь воистину бурлит, и это безумно приятно!

– Так и будешь там стоять? – склонила голову на бок, скользя взглядом по рельефным мышцам, которые была не в состоянии скрыть даже ужасная рубаша из грубого серого полотна.

Потом подняла глаза выше, наслаждаясь четко очерченным ртом, подбородком с легкой щетиной – как умопомрачительно приятно будет, когда она начнет царапать мою нежную кожу! А вот и большой нос – правда ли, что говорят люди о соотношении размеров? Скоро узнаем!

И самое красивое, что есть у этого парня – глаза! Медовые, с искорками, они настороженно взирают на меня. Все не можешь поверить, что это не сон, мой сладкий? Даже не волнует, что глазами он так похож на своего отца, Хэнка. На редкость противный тип был, пока не сдох.

Когда-то я была против, чтобы первому ребенку оборотней оставили жизнь. А теперь рада, что не вмешалась тогда и не отправила это отродье на тот свет. Ведь такой ладный мальчик вырос! И он принесет мне столько удовольствия!

А начнет прямо сейчас!

Себастьян

Вот всего ожидал – дочку ростовщика фигуристую, жену мясника затейницу, даже внучку мыловара, которая меня давно обхаживает, увидеть в этом постоялом дворе, но уж точно не Лавию! С ее-то репутацией ледяной девы, которая ненавидит плотские утехи и всех за них шпыняет! Парни шутят, что своей служанке Лавия кое-что зашивает суровыми нитками, а та швы разрезает и снова греховодничает.

Но на кровати возлежала, иначе и не скажешь, именно она! Не пойми во что одетая, хотя, скорее уж, раздетая, со всеми прелестями наружу. А взгляд такой, будто она уже, как самка богомола, которые жрут своих мужиков после спаривания, высматривает, куда в первую очередь укусить.

Мама, роди меня обратно, что же делать? Сбежать? Судя по всему, не поможет, догонит и все равно обесчестит – дамочка настроена серьезно. Она решила, что у нее сегодня будет секс, и мое мнение, очевидно, ее ни капельки не волнует.

– Закрой дверь, если не хочешь, чтобы все увидели, как тебе повезло, – пропела ведьма.

Я оглянулся, в тщетной надежде, что в коридоре окажется кто-то мне на замену, но увы, там лишь дед поднимался по лестнице – такой древний, что уже и позабыл, поди, когда свою бабульку радовал в последний раз постельными подвигами. Попал ты, оборотень, попал!

Вздохнул, толкнув рукой скрипучую дверь. Та причмокнула, закрывшись. Лавия тоже, казалось, вот-вот причмоки-

вать начнет – ее жадный взгляд ощупал меня всего, заставив почувствовать себя голым. Встав с кровати, она направилась ко мне. Стоило огромного труда сдержаться и не отступить назад.

Когда-то в босоного-сопливом детстве я, маленький оборотень, имел наглость не уступить дорогу скунсу, за что был жестоко и вонюче наказан. Вот высшие силы свидетели, сейчас счел бы за счастье «благоухать», как тогда, лишь бы перестать быть желанным этой дамочке!

– Что, никак не можешь поверить в свое счастье? – она истолковала мой столбняк по-своему. – Не тушуйся, волк, будь собой! – выдохнула ведьма мне на ухо и прижалась всем телом.

Сколько притирок ты на себя вылила, женщина? Едва не расчихался, а глаза наполнились слезами, потому что сильные запахи для оборотней – как лимоном брызнуть в морду кота! Этой мадам бы вот чем брызнуть и куда, чтоб в покое оставила, а? Скипидаром бы в то самое место, которое она мне весьма навязчиво предлагает!

Я улыбнулся, представив, как она завывала бы от переизбытка ощущений, но Лавия начала меня целовать. Неумело, но очень старательно. Вздохнул, признавая поражение – отбрыкаться не получится. Значит, придется отлюбить.

Протяжно выдохнул. Ох, тяжкая мужская доля! Женщины, как говорится, не всегда хотят, но всегда могут. А мужчины всегда хотят, но не всегда могут. Но у меня вариантов

нет. Придется смочь.

Лавия

Он судорожно выдохнул, когда я прижалась к нему. Едва сдерживается, видимо! Такой жесткий – одни мышцы ведь! И мне так хочется, чтобы он со мной тоже был жестким, не нежничал!

Словно почувствовав желания своей госпожи, мой волк сжал так, что косточки затрещали, а потом в миг уронил на кровать. Не успела опомниться, как раздел. Кажется, драгоценный пеньюар придется выбросить, ведь парень в порыве страсти его попросту порвал!

Это еще больше зажгло меня. К счастью, Себастьян оказался очень напористым, живо перевернул меня на живот. Как он понял, что именно таким я его и хочу – властным, даже жестоким? Чтобы был как животное, яростное, грубое, любящее меня во всю мощь!

Я кричала, стонала, извивалась под ним, моему волку даже пришлось зажать мне рот рукой. Все равно, пусть все слышат, как нам хорошо вместе! Никто никогда так не обращался со старшей дочерью Маат, а оказывается, это умопомрачительное удовольствие, на грани с болью, принадлежать такому дерзкому мужчине!

Когда страсть схлынула, и мы остались, тяжело дыша, лежать на кровати, каждая пора на моей коже горела. Наверное, на ней, такой нежной, останутся синяки и царапины.

Ну и пусть, они все равно не успеют зажечь до нашей новой встречи!

Себастьян

Если надо что-то сделать, то молчи и делай. Вот я так и поступил. Повалил ее на кровать, которая оказалась еще скрипучее двери, сорвал одежду, которая разъехалась в клочья, и молча принялся за дело. Думал, если буду грубым чурбаном, больше Лавия меня не захочет. Но, по иронии судьбы, просчитался – оказалось, дамочка именно этого и жаждала, чтобы ее жестко трахнули без всяких нежностей.

Подо мной извивался самый настоящий вулкан. Ощущение, что забрался на норовистого быка, который в любой момент может взбрыкнуть и растоптать. Видимо, сказались долгие годы воздержания. И угораздило же эту мамзель возжелать именно меня!

Закончил и откинулся на спину, тяжело дыша. Иронично, но именно я сейчас чувствую себя как девственница, над которой жестко надругались в первую брачную ночь. Покошил на Лавию, которая перевернулась на спину. Судя по ее довольной улыбке, дамочке все пришлось по душе. Похоже, я влип.

– Тебе понравилось? – совсем как обычная женщина промурлыкала она, но пристальный взгляд, лезущий в самую душу, напомнил, что со мной в постели все-таки ведьма.

– А кому такое может не понравиться? – увильнул от от-

вета и, ухмыльнувшись, поднялся.

– Ты куда? – разочарованно протянула она, приподнявшись на локте.

– Госпожа Лавия, у меня работы невпроворот, – тут же отступил к двери, на случай, если она опять вскочит с постели. – Приходится делать не только приятное, но и необходимое.

– Когда мы наедине, можешь звать просто по имени, – милостиво разрешила женщина, и я мысленно выругался – так и есть, она не намерена оставлять меня в покое.

Ладно, сейчас главное – сбежать, а уж с последствиями будем разбираться потом. Я выскользнул за скрипучую дверь и сморщил нос – весь провонял розами и ванилью, готов, как свиньи, что попадались сегодня по дороге, в любой грязи вывалиться, лишь бы избавиться от этого запаха!

Впрочем, в грязи меня уже вывалили – на шелковых простынях, только что. Но расскажешь кому, посмеются, не поймут, еще и упрекнут, что обнаглел. Впрочем, не привыкать, всегда все держу в себе, не знакомя мир с истинным Себастьяном. Да и не рвется никто особо узнавать меня настоящего. Я реальный никому не интересен.

Глава 2. Золотая рыбка

Сильвия

– Куда ты, дочка? – окликнула мама, когда я уже направилась к двери.

– К озеру, – ответила, обернувшись и посмотрев на нее. – А что? Ты хотела дать мне какое-то поручение? Тогда могу сходить позже.

– Нет, милая, иди. Отдыхай пока.

– Хорошо. Но как понадоблюсь, зови.

– Скоро позову, – она улыбнулась.

Почему у мамы такая грустная улыбка? Может, все-таки лучше остаться? Сделала шаг к ней, но та замахала руками, приговаривая:

– Иди, Сильвия, иди.

Вышла на крылечко и обо всем забыла. Такой денек прекрасный сегодня! Тепло, птички поют, небо высоченное сияет голубизной, будто кто-то как следует отдраил его от той хмари цвета голубинового крыла, что вчера сыпала зловредным дождиком до вечера, не давая хозяйкам просушить белье.

А солнышко тем временем прикорнуло подремать в облаке – пушистом, как крепко сбитые яичные белки под умелыми руками нашей поварихи Нины. Потому тепленько, но зноя нет, духота не стоит в воздухе, вынуждая каждую жи-

вую душу искать спасительный тенек, где можно сидеть, тяжело дыша и жалуясь на погоду.

Я зашагала к озеру, слушая стрекот кузнечиков. А вот и голубая гладь, посеребренная мелкими чешуйками от доброго, мягкого ветерка. Расположилась на травке у самой воды, жалея только об одном, что Дженни с собой не взяла.

Но малышка с недавних пор взялась за новорожденными козлятами присматривать, и отнеслась ответственно, ее теперь от этих малышей не оторвать. Все бы ничего, только Лавия постоянно ворчит, что дочка пропахла навозом. А на самом деле девочка пахнет сеном и кипяченым молоком с пенкой, которым поит своих козлят.

Что ж, я и одна скучать не стану. Подставила лицо рассеянными солнечными лучами, глянула по сторонам и оголила ноги. Совсем скоро зачестят дожди, начнет подползать холод, надо пользоваться такими изумительными деньками!

Время потекло вокруг, неспешное и невозвратное. Почему-то вдруг подумалось, что все это, вокруг – такое привычное и прекрасное, не вечно. Как говорит мама, все течет и изменяется. Когда-то и мы уйдем в вечность, и поселения нашего не будет. А что придет взамен? Я приставила ладонь козырьком ко лбу, пытаюсь разглядеть, что мелькает в воздухе над озером.

Огромные дома из камня, высокие, будто десяток наших один на другой поставили. Да куда там, несколько десятков! По широким дорогам коробки разноцветные бегают, на ко-

лесах, как у телег наших. И все сияет, переливается!

Моргнула, исчезло. Что это было? Сердечко забилося часто, как у перепуганной зверушки. Неужели... видение? Ведь никогда раньше ничего подобного! Да и с чего бы, я уж привыкла, что магия младшую дочь Маат не особо жалует, все это знают, не секрет.

Некстати вспомнился Феникс, который упорхнул с листов гримуара моей матери после того, как прочитала заклинание. Может, все-таки я не такая уж бездарность? Стрельнула глазками по сторонам, потом затаила дыхание и повела рукой, шепча слова чар, которые мне никогда не давались, хоть тресни, на уроках ведьмовства.

Ой. Замерла, глядя, как с кончиков пальцев сорвалась золотистая пыльца и, долетев до водной глади, превратилась в золотую рыбку. Вильнула вуалью шикарного хвоста и бульк, нырнула в озеро!

Получилось, надо же! У меня получилось!

– Красиво вышло, – прозвучавший рядом голос заставил меня подпрыгнуть.

Ой.

– Себастьян? – выдохнула облегченно.

И когда подкрасться-то успел!

С опозданием заметила, что подол задран, поспешно натянула его на ноги. А ведь он не только коленки, но и рыбку, мной сотворенную магией, видел!

– Не рассказывай никому, хорошо? – попросила тихо.

– Не буду. – Улыбнулся и сел рядом. – Денек сегодня прекрасный. Будь у меня та золотая рыбка, пожелал бы, чтобы все дни такими стали.

– И только-то? – я прищурилась.

– Но она же все равно ненастоящая была. – Глаза стали такими грустными, что мое сердце сжалось.

– Да, это называется морок. У тебя что-то случилось?

– Что у меня может случиться? – улыбнулся широко, но тоска из глаз никуда не делась.

Что ж, рассказывать не хочет, насильно доверять не заставишь.

Шум позади заставил нас одновременно повернуть головы. Мимо прошла Алана со сворой своих подпевал. Зыркнула в нашу сторону взглядом – будто каменюку швырнула, но ни словечка не сказала и ушла.

– Она не обижает вас? – Себастьян внимательно взгляделся в мое лицо.

– Теперь нет, как ни странно, – пожала плечами.

А и в самом деле, раньше прохода не давала, каждый день какую-нибудь новую пакость удумывала, змея, а теперь присмирела.

– Может, у нее совесть проснулась. – Предположила я. – Нельзя же вечно быть такой зловредной гадиной.

– Ну, это уж вряд ли, – оборотень так искренне расхохотался, что и сама от улыбки удержаться не смогла. – Сильвия, она просто завидует вам по-черному, вот и все. Так что

держите ухо востро с ней, хорошо?

– Да из-за чего завидовать-то? – нахмурилась. – Она ведь-ма сильная, да и все девчонки с ней дружат. А я...

– А вы, – перебил парень, – просто не знаете, какая вы чудесная, маленькая чаровница!

Его глаза так сияли, что смутилась и отвела взгляд, про-бормотав:

– Ага, волшебная на всю голову.

– Вы просто себя еще не знаете, – прошептал Себастьян, – моя золотая рыбка.

Глава 3. Золотое руно

Себастьян

– Так кто была та недавняя мамзель? – шепнул Кнес, орудуя рядом со мной лопатой. – Аган рассказал про твои амуры в городе!

Язык у него длинноват, смотрю, у нашего Агана! Укоротить надобно! Я со злостью вонзил лопату в землю по самый черенок и нажал на древко, вывернув наружу шмат пахучего чернозема. Непрошенное напоминание пробудило память и слишком уж сильной болью полоснуло по душе, заставив язвительно ответить:

– Какая разница, кто? У дамочки засвербило, я помог, делов-то.

– И что они в тебе находят? – друг завистливо глянул на меня. – Тощий ведь, как наша старушонка каурая! Только глазастый, да еще языком молоть умеешь!

– Языком не только молоть надо, – усмехнулся, продолжив копать.

– Не, фуу, – Кнес скривился. – Чтобы я туда языком? Да ни в жисть!

– А воду ты как пьешь? – не удержался я.

– А чего?

– Ну, коли брезгливый такой, так подумай, как воду-то озерную пить, в нее же рыбы испражняются.

– Ис... чего?

– Писают и какают они туда.

– Тьфу, ну зачем сказал, Себ? – парень скривился. – Теперь думать о том буду!

– Мальчики, заканчивайте, – моя мать подошла к нам с кувшином в руках. – Испейте водицы, работнички!

– Ох, тетя Сара, только не хватало! – Кнес покосился на кувшин, сплюнул и, махнув рукой, направился к дому.

– Что ты ему сказал? – мама отдала воду мне и покачала головой. – Знаешь ведь, что он такой чувствительный!

Ага, я поперхнулся водой, засмеявшись. Двухметровый детина с нежной душой! Когда переживает, не замечает, как подкову в дулькину фигу сжимает!

– А тебе все хиханьки, – мать укоризненно посмотрела в мое лицо. – Думаешь, прикроешь шуточками, что на душе у тебя муторно? – она погладила по щеке. – Вижу ведь, что сам не свой в последнее время, сынок.

– Ничего, матушка, пройдет, – перехватил ее руку и поцеловал. – Ну, коли этой грядки тебе хватит, сажай. А у меня еще дела есть.

– Знаю твои дела, неугомонный. Когда выберешь девушку хорошую, из наших, да женишься?

– Когда рак на горе попой свистнет! – отшутился и подошел к большой лохани во дворе, около которой чистые рубахи, приготовленные матерью, лежали. Стянул грязную и, фыркая, начал мыться в холодной воде. Но недобрые мысли

не отпускали.

Жениться? Нет уж. Одна девка на всю жизнь? Да через месяц взвою. Да и что с ней делать, помимо очевидного? Половина даже читать не умеет. А те, что грамоте обучены, думать не особо стремятся. Поговорить не о чем, кроме погоды да трудной работы. Ну, о соседях еще позлословить, вот и закончились общие темы.

А самое пакостное – всю жизнь пресмыкаться перед ведьмами, в погоне за призрачной надеждой получить разрешение родить дитя. Никто из наших и не задумывался никогда, что может быть по-другому. Что жить можно себе хозяином, получать за честный труд деньги, мир посмотреть, детей наплодить столько, сколько высшие силы позволят, счастливым стать.

Утерся полотенцем, надел чистую рубашку и пошел, куда глаза глядят. Соврал ведь матери, не осталось на сегодня никаких дел, только вечером скотине корм задать. Но то ближе к закату, когда коровы вынырнут из вечернего тумана и сытые, покачивая боками, неторопливо двинутся к своим дворам, мечтая о теплом стойле и дойке, которая освободит разбухшее вымя от молока.

Вот и мы, оборотни, как эта скотина, послушно делаем, что велено, и рады тому, что имеем. В точности также размножаемся по разрешению хозяев. Да, мы вчерашние животные, что выли на луну и бегали по лесам, жили в норах. Но мы были свободны! Не велика ли плата за сомнительную

честь стать человеком? Да и человеком ли?

Вот я кто? Для Лавии, например? Мясо о двух ногах, которое ей, ведьме, приглянулось, да настолько, что она сочла этого волка достойным своей постели. Игрушка для потрахушек. Еще ведь и считает, что облагодетельствовала меня, допустив до тела своего великолепного такого смерда низко рожденного.

Я скрипнул зубами и сжал кулаки. Будь она неладна, эта старшая дочь Маат! Но толком разозлиться не успел – в глаза что-то ударило, ослепив. Что такое? Приставил руку козырьком ко лбу, взгляделся вперед и улыбнулся. Это белые волосы Сильвии сияют на солнце, как невиданное сокровище! Прямо золотое руно из греческих мифов!

Позабыв про Лавию, стоял и смотрел на младшую дочь Верховной ведьмы. Хоть ее волосы и цвета нетронутого снега, сама она такая теплая, нежная, добрая и наивная. Ни на мать, ни на сестру непохожая. И тянет к ней, как к пышущей жаром печке зимой.

Вот и я не удержался, спустился с пригорка, любуясь оголенными стройными ножками. Улыбнулся, глянув на рыбку, магией сотворенную, что нырнула в озеро.

Заметив меня, Сильвия тут же прикрыла ноги подолом. Жаль, такие красивые были! Попросила про рыбку никому не рассказывать, пришлось пообещать. Сел рядом, а она взгляделась в меня и, будто мать моя, все прочитала по глазам. Но и ей раскрывать ничего не стал. О таком разве рас-

скажешь нетронутой душе, которая и зла-то не видит вокруг себя, всех хорошими считает?

У нее в голове не уместится, что кто-то может пользоваться другими, будто игрушками, не допуская и мысли, что у них имеются чувства, желания, самоуважение. Сильвия и Алану считает достойной прощения, и Лавию, и остальных. Могла бы, наверное, всех спасла бы. Вот только спасти их пришлось бы от самих себя.

Я сидел рядом, грелся о ее невинность, а думать мог только о том, что в свете ее чистых глаз сам себе кажусь перемазанным в грязи. А так хотелось бы счесть себя достойным этой неземной красоты! Укрыть ее от всех бед, защитить, никому не позволять даже думать о том, чтобы причинить ей боль!

Пока эта буря металась в моей душе, безжалостно выкручивая все чувства вдоль и поперек, Сильвия поднялась. Оторопел, глядя на нее снизу вверх, и ляпнул, не глядя:

– Уже уходите?

– Пора мне, – ответила, но заалевшие щеки рассказали правду – сам спугнул, смутил, взбаламутил эту невинность.

И это оборотень, которому молва давно навесила ярлык дамского угодника! Идиот!

– Позвольте проводить? – встал и сделал шаг к ней.

– Н-не надо, – отступила тут же.

Волосы, подхваченные ветром, запутались в низко опущенной ветви дуба.

– Ой, – дернулась назад, но раскидистый зеленый великан и не думал отпускать.

Даже ему Сильвия приглянулась.

– Обождите, помогу. – Осторожно отнял у дуба добычу.

– Спасибо, Себастьян, – улыбнулась напоследок и зашагала к поселению.

А я остался смотреть на пару сияющих длинных волосков, которые развевались на ветру, сияя куда ярче, чем золотое руно из греческого мифа.

Что хотите делайте, не удержусь! Глянул по сторонам, не видит ли кто, бережно снял их с ветки. Да простит меня могучий старик-дуб за эту кражу. Настоящая драгоценность! А кто я такой, чтобы ею владеть? Обычный оборотень, бедняк без гроша в кармане, у которого есть только руки-ноги, да самомнение. И еще член, который по нраву Лавии. Не моими лапами чудеса хватать!

Скривился и отпустил волосинки сияющие, отдал ветру, что бережно подхватил их и понес прочь. Все дальше и дальше от меня. Что же я творю?! Погнался вдогонку, упал, запнувшись о камень, схватился за воздух, поднялся, ругаясь, снова помчался и лишь в последний момент, когда сияющие волосинки заскользили над водной гладью, будто солнечные зайчики, успел их поймать.

Выбрался на берег, смеясь в голос. Увидит кто, решит, что Себастьян сдурел. Да и пусть! Снял с шеи медальон, доставшийся мне от отца, раскрыл и привычно улыбнулся, глядя

на две миниатюры внутри – я и моя сестра Катерина. Папа заказал их в городе, у заезжего художника. Так мои дети всегда будут рядом, говорил.

Я бережно сложил белые волосинки в кружочек и убрал в медальон. Теперь Сильвия тоже всегда будет со мной. Хотя бы так. По-другому не заслужил.

Глава 4. Выбор книги

Лавия

Мурлыкая под нос песенку, которую услышала в городе, я зашла в дом. Вот ведь привязался въедливый мотивчик! А самое главное, под него вспоминаются крепкие объятия Себастьяна и много чего еще. Как, оказывается, приятно хранить такую тайну, которая бродит внутри, как хмельная медовуха, будоражит, обжигает!

– Гошпоша Лафия, – Дженни, увидев меня, присела в неловком реверансе, как я ее учила.

Неуклюжая, как медвежонок! И шепелявая, жуть! Ну, и пусть! Сегодня даже эта недодочь не испортит мне настроение!

– Держи, – я протянула ей персик. – Чего замерла? Что сказать надобно?

– Ш-шпашибо, – прошептала девочка.

– На здоровье, – я взлетела вверх по лестнице.

Ополоснулась, переделалась и успела помечтать о Себастьяне, когда почувствовала, что кто-то стоит в коридоре, напротив моей двери.

– Чего тебе? – спросила, распахнув ее и увидев дочь.

– Шплошить. Мошно? – подняла на меня глаза.

Ишь, как осмелела с одного персика!

– Заходи, – посторонилась, пропуская девочку в комна-

ту. – Что спросить?

– Я... – она отвела глаза и замолчала.

Все, смелость закончилась.

– Да говори уже, что хотела!

Не ребенок, мямля какая-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.